

МАКС ВЕБЕР

**ХОЗЯЙСТВО
И ОБЩЕСТВО**

Max Weber

WIRTSCHAFT UND GESELLSCHAFT

Grundriss der verstehenden Soziologie

5. revidierte Auflage

Besorgt von Johannes Winckelmann

Макс Вебер

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО

Очерки понимающей социологии

I СОЦИОЛОГИЯ

Перевод с немецкого
под общей редакцией
доктора философских наук,
профессора Л.Г. Ионина

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА, 2016

УДК 316.4

ББК 60.5

В26

Переводчики:

В.А. Брун-Цеховой (предисловия к немецкому изданию), *Л.Г. Ионин* (глава 1),
И.А. Сударикова (глава 2), *А.Н. Беляев* (глава 3), *Д.Б. Цыганков* (глава 4)

Вебер, Макс

В26 Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст] : в 4 т. / Макс Вебер ; [пер. с нем.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — Перевод изд.: Weber Max. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. 5. revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winckelmann. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. — 2000 экз. — ISBN 978-5-7598-0333-1 (в пер.).

Т. I. Социология. — 445, [3] с. — ISBN 978-5-7598-1513-6 (т. I).

Книга представляет собой первый том четырехтомного издания эпохального труда Макса Вебера «Хозяйство и общество». Это первый полный перевод на русский язык. В томе I дана характеристика основных понятий понимающей социологии в целом, сформулированы принципы экономической социологии, дан краткий очерк социологии господства (в частности, харизматического и бюрократического типов господства) и намечены пути выработки новой для своего времени концепции социальной структуры и социальной стратификации. Фактически в этом томе сформулированы понятия, которые послужат читателю путеводной нитью для понимания важнейших проблем наук об обществе, рассматриваемых в последующих томах этого классического сочинения, которые сейчас готовятся к печати.

Издание предназначено для социологов, политологов, историков, экономистов, вообще для специалистов широкого спектра социальных и гуманитарных наук, а также для круга читателей, интересующихся проблемами социального и культурного развития современности.

УДК 316.4

ББК 60.5

ISBN 10: 3165385211 (нем.)
ISBN 13: 9783165385212 (нем.)
ISBN 978-5-7598-1513-6 (т. I)
ISBN 978-5-7598-0333-1

© J.C.B. Mohr (Paul Siebeck)
Tübingen 1921/1972
© Составление. Ионин Л.Г., 2016
© Перевод на русский язык,
оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2016

Оглавление

Вступительная статья редактора русского издания	10
Предисловие к первому немецкому изданию	35
Предисловие ко второму немецкому изданию	37
Предисловие к четвертому немецкому изданию	38
Предисловие к пятому немецкому изданию	47

Том I СОЦИОЛОГИЯ

Глава 1. Основные социологические понятия

§ 1. Понятия социологии и смысла социального действия	67
I. Методические основания	68
II. Понятие социального действия	82
§ 2. Основания ориентации социального действия	84
§ 3. Социальное отношение	86
§ 4. Типы социального действия: привычка, обычай	88
§ 5. Понятие легитимного порядка	90
§ 6. Виды легитимного порядка: конвенция и право	92
§ 7. Основы значимости легитимного порядка: традиция, вера, установление	95
§ 8. Понятие борьбы	96
§ 9. Общность и обобществление	98
§ 10. Открытые и закрытые отношения	100
§ 11. Приписывание действия. Представительские отношения	103
§ 12. Понятие и виды союзов	105
§ 13. Порядки союза	106
§ 14. Порядки управления и регулирования	107
§ 15. Предприятие и союз предприятия, объединение, учреждение	108
§ 16. Власть, господство	109
§ 17. Политический союз, иерократический союз	110

Глава 2. Основные социологические категории хозяйствования

§ 1. Понятие хозяйствования	113
§ 2. Понятие полезности	118

§ 3. Хозяйственная ориентация действия	119
§ 4. Типичные правила рационального хозяйствования	120
§ 5. Виды хозяйственных союзов.....	123
§ 6. Средства обмена, средства платежа, деньги	125
§ 7. Первичные последствия типичного употребления денег. Кредит	129
§ 8. Рыночное положение, ликвидность, рыночная свобода, регулирование рынка	131
§ 9. Формальная и материальная рациональность хозяйства	133
§ 10. Рациональность денежного расчета	135
§ 11. Понятие и виды доходов, капитальный расчет	138
§ 12. Натуральный расчет и натуральное хозяйство.....	147
§ 13. Условия формальной рациональности денежного расчета	154
§ 14. Меновое хозяйство и плановое хозяйство	155
§ 15. Типы хозяйственного разделения труда (общее)	160
§ 16. Виды технического членения труда	164
§ 17. Виды технического членения труда (продолжение).....	166
§ 18. Социальные виды разделения труда	168
§ 19. Апроприация использования труда	172
§ 20. Апроприация средств производства	177
§ 21. Апроприация управленческого труда	183
§ 22. Экспроприация средств производства у работников.....	184
§ 23. Экспроприация средств производства у работников (продолжение).....	186
§ 24. Профессия и виды разделения профессий	187
§ 24а. Главные формы апроприации и рыночные отношения	192
§ 25. Об условиях расчета производительности труда	197
§ 26. Безрасчетные трудовые общности. Формы коммунизма	201
§ 27. Капитальные блага и капитальный расчет	202
§ 28. Понятие «торговля» и ее формы	204
§ 29. Понятие «торговля» и ее формы (продолжение).....	205
§ 29а. Понятие «торговля» и ее формы (окончание)	207
§ 30. Условия формально высшей рациональности капитального расчета	209
§ 31. Типичные направления «капиталистического» получения дохода	212
§ 32. Денежная конституция современного государства и разные виды денег: оборотные деньги	214

§ 33. Денежная конституция современного государства и разные виды денег: закрытые деньги.....	223
§ 34. Денежная конституция современного государства и разные виды денег: нотальные деньги.....	224
§ 35. Формальная и материальная значимость денег	226
§ 36. Средства и цели денежной политики	228
§ 36а. Экскурс о государственной теории денег.....	232
§ 37. Немонетарное значение политических союзов для хозяйства	239
§ 38. Финансирование политических союзов.....	240
§ 39. Обратное воздействие на частное хозяйствование	245
§ 40. Влияние хозяйства на образование союзов.....	247
§ 41. Движущая сила хозяйствования	248

Глава 3. Типы господства

1. Значимость легитимности.....	252
§ 1. Определение, условия и виды господства. Легитимность	252
§ 2. Три чистых типа легитимного господства: рациональное, традиционное, харизматическое	254
2. Легальное господство с бюрократическим штабом управления.....	256
§ 3. Легальное господство: чистый тип с бюрократическим штабом управления	256
§ 4. Легальное господство: чистый тип с бюрократическим штабом управления (продолжение).....	259
§ 5. Бюрократическо-монархическое управление	261
3. Традиционное господство.....	264
§ 6. Традиционное господство: чистый тип	264
§ 7. Традиционное господство: чистый тип (продолжение)	265
§ 7а. Геронтократия, патриархализм, патримониализм	269
§ 8. Геронтократия, патриархализм, патримониализм (продолжение)	273
§ 9. Сословно-патримониальное господство	274
§ 9а. Традиционное господство и хозяйство.....	275
4. Харизматическое господство	279
§ 10. Признаки харизматического господства. Образование общностей на его основе	279

5. Рутинизация харизмы	283
§ 11. Рутинизация харизмы и ее последствия	283
§ 12. Рутинизация харизмы и ее последствия (продолжение)	286
§ 12а. Рутинизация харизмы и ее последствия (окончание).....	289
6. Феодализм	292
§ 12b. Феодализм, ленный феодализм	292
§ 12с. Пребендальный и иные виды феодализма	296
§ 13. Смещение разных типов господства.....	300
7. Неавторитарное переосмысление харизмы.....	303
§ 14. Харизма вне рамок господства.....	303
8. Коллегиальность и разделение властей	307
§ 15. Коллегиальность и разделение властей	307
§ 16. Специфицированное разделение властей	318
§ 17. Отношения политического разделения властей к хозяйству	319
9. Партии	320
§ 18. Понятие и сущность партии.....	320
10. Управление без господства и представительное правление.....	323
§ 19. Непосредственная демократия и правление представителей.....	323
§ 20. Правление знати.....	325
11. Представительство	326
§ 21. Сущность и формы представительства.....	326
§ 22. Представительство интересов (в продолжение пп. 1–4 в начале § 21).....	331

Глава 4. Сословия и классы

1. Понятия	334
§ 1. Классовое положение, класс, класс владения.....	334
§ 2. Класс дохода, социальный класс.....	336
§ 3. Сословное положение, сословие	338

Приложения

Глоссарий	343
Словарь иноязычных слов и выражений	355

Оглавление

Словарь понятий Макса Вебера.....	359
Библиографический указатель.....	398
Список сокращений	412
Именной указатель	413
Предметный указатель.....	415
Оглавление томов I–IV.....	439

Вступительная статья редактора русского издания

1. Чемпион социологии

В 1997 г. Международная социологическая ассоциация провела среди своих членов опрос под названием «Книга века», интересуясь тем, какая из социологических книг оказала наибольшее влияние на их профессиональное становление. Этот список был объявлен в 1998 г. на последнем в XX веке конгрессе ассоциации, знаменовавшем к тому же 50-летие ее существования. Список получился вот каким (здесь приводится первая десятка):

1. Max Weber «Economy and Society».
2. Charles Wright Mills «The Sociological Imagination».
3. Robert K. Merton «Social Theory and Social Structure».
4. Max Weber «The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism».
5. Peter L. Berger and Thomas Luckmann «The Social Construction of Reality».
6. Pierre Bourdieu «Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste».
7. Norbert Elias «The Civilizing Process».
8. Jürgen Habermas «The Theory of Communicative Action».
9. Talcott Parsons «The Structure of Social Action».
10. Erving Goffman «The Presentation of Self in Everyday Life».

Исходя из результатов этого опроса, можно смело назвать книгу Макса Вебера «Хозяйство и общество» самой главной социологической книгой не только XX в., но и вообще главной социологической книгой. Ведь история социологии — это и есть, собственно, история социологии в XX веке. Но, признавая, что работа заслуживает этого титула, все-таки надо сделать при этом минимум две оговорки. Во-первых, нельзя преувеличивать значимость такого рода юбилейных опросов. Ведь даже беглый взгляд на этот список скажет, что за прошедшие с тех пор почти два десятилетия приоритеты изменились, и, проводя ассоциация этот опрос сейчас, некоторые из перечисленных произведений вообще бы в десятку не вошли. Хотя все же кажется, что работ Макса Вебера это не касается. Скорее, наоборот, представляется даже, что, например, «Протестантская этика и дух капитализма» — не самая важная, на мой взгляд, но, может быть, самая выразительная и поэтому самая доступная из работ Вебера (имеются в виду, конечно, крупные работы) — с годами становится все популярнее.

Во-вторых, — и это гораздо важнее! — надо учитывать, что первое место в рейтинге Международной социологической ассоциации заняла не совсем та книга, которая готовилась к изданию и верстка которой частично была подписана самим Максом Вебером, и не та, что выдержала множество

изданий в Германии, т.е. не «Wirtschaft und Gesellschaft», а ее американский перевод, вышедший в 1968 г. под названием «Economy and Society». На мой взгляд, следует согласиться с известным историком социологии и знатоком наследия Вебера Д. Кеслером, отметившим: кто хотя бы бегло ознакомился с переводом, знает, что речь идет о совершенно разных книгах¹. Действительно, американский перевод, в определенном смысле сыгравший эпохальную роль в деле распространения идей Вебера в мировом масштабе и признания величия его идей, вместе с тем оказался не только переводом, но еще и адаптацией «Хозяйства и общества» к социологическому языку и образу социологического мышления американского университета 60-х годов, где главными социологами были Парсонс, Мертон и другие (безусловно, достойнейшие) представители могущественной школы структурного функционализма. «По Парсонсу» или, может быть, даже «под Парсонса» оказался прочтенным и переведенным и Вебер, тем более что сам Толкотт Парсонс участвовал в переводе и комментировании этого труда Вебера, которого он сам глубоко почитал.

Вообще, роль Парсонса в распространении идей Вебера заслуживает особого упоминания. Эта история имеет свою фабулу. Как пишет Клаус Цигерт², в 1926 г. после года, проведенного в Лондонской школе экономики, молодой ученый Парсонс продолжил академические занятия в Гейдельберге, где впервые познакомился с наследием Вебера. При чтении «Протестантской этики» его настолько захватила мощь социологического языка Вебера, что он решил добиваться у вдовы и издательницы Вебера прав на английский перевод. В результате трудных переговоров с лондонским издателем Стенли Анвином (Unwin), который возражал против непрофессионального переводчика, к тому же американца, в конце концов, появилось во многом спорное, но имевшее несомненный успех первое американское издание Вебера³. Успех этого издания среди социологической публики повлек за собой новые переводы статей и фрагментов больших работ, в связи с чем возник своего рода миф о Вебере как о единственном

¹ *Kaesler D.* Eine Konstruktion wird dekonstruiert. Max Webers “Wirtschaft und Gesellschaft” zerfällt in Einzelteile // *literaturkritik.de*. Nr. 4. April 2006. Philosophie und Soziologie. URL: http://www.literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=9356&ausgabe=200604.

² *Ziegert K.* Max Weber (1864–1920) // *Zeitschrift für Europäisches Privatrecht*. 2014. Heft 1. S. 97–114.

³ *Weber Max.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Translated by Talcott Parsons, with a foreword by R.H. Tawney. London: Allen & Unwin; New York: Scribner, 1930. Кроме собственных неоспоримых достоинств труда Вебера, успех «Протестантской этики» в Америке был предопределен еще тем, что в центре внимания автора стоит фигура Бенджамина Франклина, представляющего собой в определенном смысле икону американской предпринимательской идеологии. К тому же идеи Вебера легли на благоприятную почву, подготовленную Уильямом Джемсом с его «многообразием религиозного опыта».

классике немецкой социологии. В результате после Второй мировой войны интерес к работам Вебера вернулся в Германию и вообще в Европу вместе с волной хлынувшей туда американской социологической литературы. Позднее, в 60-е годы, при участии уже маститого гарвардского профессора Парсонса был опубликован полный американский перевод «Хозяйства и общества»⁴.

В большинстве стран, в частности, в Советском Союзе и в России, где главный и самый масштабный труд Вебера не был переведен на русский, знакомство с ним происходило в основном по адаптированному (во многих отношениях, прежде всего терминологически) к потребностям американского студента и (местами) в значительной степени упрощенному американскому «оригиналу».

Но важнее всего даже не это; важнее всего, как справедливо отмечает Д. Кеслер, что с какой бы версией мы ни имели дело — с немецкой ли, с американской ли, — все равно речь идет о фрагменте, искусственной конструкции, текстовой фикции⁵. Это суждение не будет выглядеть неожиданным или даже шокирующим, если познакомиться с историей написания и издания «Хозяйства и общества».

2. Книги имеют свою судьбу

Подробно, с приведением массы иногда, может быть, даже излишних деталей о первых этапах этой истории рассказано в приводимых ниже предисловиях к немецким изданиям. Здесь мы передадим этот рассказ в основных чертах.

В 1909 г. известный тюбингенский издатель Пауль Зибек предложил Максу Веберу стать редактором запланированного многотомного коллективного труда «Основы социальной экономики» («Grundriss der Sozialökonomik»), который должен был состоять из четырех «отделов», по несколько томов в каждом, и описывать все возможные стороны взаимодействия экономики с ее социальным контекстом⁶.

Реализация проекта оказывалась не столь быстрой, как хотелось, и Веберу приходилось брать на себя все большую и большую часть работы.

⁴ *Weber Max*. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology. New York: Bedminster Press, 1968. В дальнейшем цитируется по изданию: Berkeley—Los Angeles: University of California Press, 1978.

⁵ *Kaesler D*. Eine Konstruktion wird dekonstruiert. Max Webers “Wirtschaft und Gesellschaft” zerfällt in Einzelteile // literaturkritik.de. Nr. 4. April 2006. Philosophie und Soziologie. URL: http://www.literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=9356&ausgabe=200604.

⁶ Работа мыслилась как замена устаревающего аналогичного издания под редакцией знаменитого экономиста Густава Шёнберга — как «новый Шёнберг». См.: Handbuch der politischen Oekonomie / Hrsg. von G. Schönberg. 2 Bd. Tübingen: Laupp, 1982.

Предполагалось, что третий отдел, называющийся «Хозяйство и общество» («Wirtschaft und Gesellschaft»), будет состоять из двух частей: одна, которую готовил сам Вебер, должна была называться «Хозяйство и общественные порядки и силы», а вторая, которую собирался писать Ойген фон Филиппович (1858—1917), — «Развитие хозяйственно-политических и общественно-политических систем и идеалов».

В предисловии к труду в целом Вебер как редактор следующим образом описал содержание и направленность своего раздела: «Детальнее, чем это обычно бывает, будут рассмотрены отношения хозяйства [...] с общественными порядками, причем так, что будет подчеркнута также автономия этих сфер по отношению к хозяйству. Это значит, что в основе лежит подход, согласно которому развертывание хозяйства должно пониматься прежде всего как особенное частичное проявление всеобщей рационализации жизни»⁷. Именно такой поход, как мы увидим далее, и был реализован в лежащей перед нами книге.

Первый том «Основ социальной экономики» появился в свет в 1914 г., затем была война, так что последний из двенадцати опубликованных томов вышел лишь в 1930 г. — через 10 лет после неожиданной смерти Вебера 14 июня 1920 г.

Что касается собственного, авторского раздела Вебера («Хозяйство и общество»), то сам он успел подготовить к печати только первые его 180 страниц. Все посмертные издания — от первого, 1922 г., увидевшего свет благодаря стараниям вдовы автора Марианны Вебер, до новейшего академического издания в семи (!) томах (о нем речь пойдет далее) — представляют собой результат комбинирования и редактирования разных текстов из наследия Вебера, которые, как с большей или меньшей вероятностью предполагается, были предназначены им для включения в будущий систематический труд «Хозяйство и общество».

Предисловия к разным немецким изданиям, включенные в настоящий том, дают более или менее полное представление о том, как усилиями редакторов собирались и организовывались эти издания. Последним стало 5-е издание, подготовленное Йоханнесом Винкельманом в 1972 г.⁸, с которого — с некоторыми изменениями, о которых речь пойдет далее, — и следован настоящий перевод.

⁷ Grundriss der Sozialökonomik, I. Abt. Wirtschaft und Wirtschaftswissenschaft. Tübingen, 1914. S. VII. Цит. по: *Kaesler D.* Eine Konstruktion wird dekonstruiert. Max Webers "Wirtschaft und Gesellschaft" zerfällt in Einzelteile // *literaturkritik.de*. Nr. 4. April 2006. Philosophie und Soziologie. URL: http://www.literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=9356&ausgabe=200604.

⁸ *Weber Max.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 5. revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winckelmann. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1972.

Прежде чем мы станем разбираться в структуре настоящего издания, надо обязательно сказать о завершившемся в последние месяцы 2013 г. новом издании «Хозяйства и общества» в рамках академического полного собрания сочинений Вебера. Упомянутый выше Д. Кеслер озаглавил свою рецензию на первые вышедшие в рамках этого собрания тома «Хозяйства и общества» так: «Конструкция деконструируется. “Хозяйство и общество” Макса Вебера распадается на части». Действительно, если, как сказано выше, все ранние издания «Хозяйства и общества» представляли собой продукт издательского «конструирования» (сначала Марианны Вебер, затем — Йоханнеса Винкельмана), когда из имеющихся в наличии частей издатели собирали целое, то в новом «историко-критическом» издании это целое оказалось разъято на семь частей. «Хозяйство и общество» помещено теперь в семь тематически обособленных томов⁹:

Том 1/22-1: Хозяйство и общество. Общности;

Том 1/22-2: Хозяйство и общество. Религиозные общности;

Том 1/22-3: Хозяйство и общество. Право;

Том 1/22-4: Хозяйство и общество. Господство;

Том 1/22-5: Хозяйство и общество. Город;

Том 1/23: Хозяйство и общество. Социология. Незавершенное;

Том 1/24: Хозяйство и общество. История создания и документы.

При этом издатели предупреждают, что «публикация... не должна создавать впечатление того, что речь идет о собрании не связанных друг с другом текстов, так сказать, о наборе “специальных социологий”. Даже если некоторые тексты имеют характер объемистых монографий, они все же планировались Вебером как части проекта “Хозяйство и общество”». Само это соображение, которое равным образом может быть отнесено и к предыдущим редакциям произведения, заставляет задаться вопросом о необходимости и целесообразности предпринятой деконструкции. Тот же Д. Кеслер цитирует в своей рецензии предисловие одного из издателей нового собрания — Вольфганга Моммзена, указавшего на проблемы, с которыми сталкивались он и его коллеги при подготовке издания: «Мы старались со всевозможной тщательностью реконструировать изначальные посвященные общностям тексты и порядок их расположения, как это намеревался сделать сам Макс Вебер, и в той мере, в какой это вообще возможно при неблагоприятной ситуации с источниками. Ибо рукописи

⁹ *Weber Max. Max Weber-Gesamtausgabe* (далее: MWG Band I/22). Bd. I/22-1: *Wirtschaft und Gesellschaft. Teilband 1: Gemeinschaften*. 2001. 402 S.; Bd. I/22-2: *Wirtschaft und Gesellschaft. Teilband 2: Religiöse Gemeinschaften*. 2001. 584 S.; Bd. I/22-3: *Wirtschaft und Gesellschaft. Teilband 3: Recht*. 2010. 813 S.; Bd. I/22-4: *Wirtschaft und Gesellschaft. Teilband 4: Herrschaft*. 2005. 944 S.; MWG I/22-5: *Wirtschaft und Gesellschaft. Teilband 5: Die Stadt*. 1999. 390 S.; MWG I/23: *Wirtschaft und Gesellschaft. Soziologie. Unvollendet. 1919–1920*. 2013. 847 S.; MWG I/24: *Wirtschaft und Gesellschaft. Entstehungsgeschichte und Dokumente*. 2009. 285 S.

соответствующих частей в наследии не сохранились»¹⁰. Неудивительно, что они не сохранились: ведь между началом работы Макса Вебера над «Хозяйством и обществом» и изданием этого многотомного труда прошел без малого век, вместивший две войны, особо жестоко сказавшиеся на Германии!

Д. Кеслер справедливо задается вопросом о том, как можно «реконструировать» намерения автора, умершего почти 100 лет назад, и выражает сомнение в том, что в новом издании удастся в какой-то существенной степени «улучшить» текст в историко-критическом смысле по сравнению с тем, что было сделано ранее Марианной Вебер и Винкельманом.

Эти замечания Кеслера относятся к самому первому из опубликованных в рамках академического издания томов «Хозяйства и общества». В действительности прирост информации оказался существеннее, чем это могло показаться сначала: во-первых, присовокуплены, в частности, в томе, посвященном господству, а также в других томах, несколько «новых» статей и отрывков, тематически примыкающих к опубликованным ранее текстам; во-вторых, тома снабжены детальнейшим научным и текстологическим аппаратом, развернутыми историческими и теоретическими предисловиями (предисловия, ссылки, разного рода глоссарии, указания параллельных мест и т.п. в некоторых томах превосходят или почти равны по объему публикуемым текстам); в-третьих, опубликован отдельный том, описывающий и документирующий историю «Хозяйства и общества». Хотя, разумеется, все это бесценный материал для «вебероведения», он немного добавляет к содержанию труда, к пониманию его роли и места как в творчестве самого Вебера, так и в истории мировой социологической мысли.

В том, что касается последнего названного аспекта, важно еще одно соображение: все имеющиеся переводы «Хозяйства и общества» на другие языки (английский, французский, испанский) сделаны с четвертого и пятого немецких изданий, подготовленных Винкельманом, и эти переводы никто не станет деконструировать в указанном выше смысле. Поэтому естественно, что настоящий перевод сделан с пятого, винкельмановского, издания с учетом, разумеется, многочисленных дополнительных уточнений и пояснений, появившихся в указанном семитомнике.

Итак, если подытожить наш рассказ, окажется, что судьба лежащей перед нами книги поистине беспрецедентна. Эта книга, которая так и не была закончена автором, собрана (сконструирована) редакторами после смерти автора, пережила период триумфа (названа социологической «книгой века»), а затем неожиданно оказалась «деконструированной», т.е. рас-

¹⁰ *Kaesler D.* Eine Konstruktion wird dekonstruiert. Max Webers "Wirtschaft und Gesellschaft" zerfällt in Einzelteile // *literaturkritik.de*. Nr. 4. April 2006. Philosophie und Soziologie. URL: http://www.literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=9356&ausgabe=200604.

члененной на семь томов, при том, что деконструкция была осуществлена в рамках академического, в наивысшей степени статусного издания и парадоксальным образом предполагала сохранение единства и целостности произведения. Думаю, не будет преувеличением сказать, что если в конце прошлого столетия «Хозяйство и общество» было названо социологической «книгой века», то академическое издание (со всем сопутствующим ему аппаратом, включая нумерацию строк, как в изданиях Плутарха, например, или Цицерона) оказалось признанием этой книги книгой на века.

3. Идеолог модерна

Естественно, если мы называем книгу книгой на века, надо сказать, что в ней такого особенного, что привлекает к ней поколение за поколением ученых и просто читателей.

В «Хозяйстве и обществе» оказалось наиболее полно и последовательно выражено идейное ядро общесоциологической концепции Макса Вебера, причем во всех ее составных частях — в социологии права, социологии религии, социологии экономики, социологии политики, социологии науки и т.д. Более того, можно сказать, что именно в этой работе то, что мы называем общесоциологической концепцией Вебера, достигает высот универсальных исторических обобщений.

Для более или менее адекватного — т.е. наиболее близкого к тексту самого Вебера — описания этого исторического синтеза придется прибегнуть к работе, не вошедшей в «Хозяйство и общество». Это небольшое предисловие к созданным примерно в то же время, что и основной массив «Хозяйства и общества», нескольким работам под общим заглавием «Хозяйственная этика мировых религий», объединенным позже в сборнике трудов Вебера по социологии религии¹¹. Значение этого текста выходит далеко за рамки предисловия к сочинениям по социологии религии и выглядит как обобщенная формулировка задач и целей многих десятилетий исследований, как набросок целостной грандиозной исследовательской программы.

Для европейского человека, говорит Вебер, встает естественный вопрос: «Какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались — по крайней мере, как нам представляется — в направлении, получившем универсальные смысл и значимость?»¹². Далее он перечис-

¹¹ *Weber Max. Vorbemerkung // Weber Max. GAzR* (см. Список сокращений, приведенный в конце тома). S. 1–16; рус. пер.: МВИП (см. Список сокращений). С. 44–59. Далее цитируется по русскому переводу с уточнениями (там, где это необходимо) по немецкому оригиналу.

¹² МВИП. С. 44.

ляет те важнейшие области жизни общества, где, как он полагает, больше всего бросаются в глаза различия между Западом и другими культурными регионами.

Наука. Эмпирические знания, тонкая мудрость, философское и теологическое размышление, глубокие умозаключения — все это было и есть повсюду. Но нигде, кроме Запада, не сформировалось научное знание в его методически-рациональном аспекте: математическое обоснование астрономии у эллинов, рациональное доказательство в эллинской геометрии, механике, физике, рациональный эксперимент (Античность и Возрождение), лабораторная культура, рациональная химия, «прагматическая» историография (Фукидид), систематика и рациональные понятия в учении о государстве, рациональная теория права в схемах и формах римского права, каноническое право как таковое, т.е. наука в том ее виде, в каком мы знаем ее сегодня.

Искусство. Здесь уместно процитировать одно из писем Вебера, которое Марианна Вебер приводит в предисловии ко второму изданию «Хозяйства и общества»: я буду писать, говорит Вебер, «об определенных социальных условиях музыки, которыми объясняется то, что только у нас есть “гармоническая” музыка, хотя у иных культурных кругов более тонкий слух и более интенсивная музыкальная культура»¹³. Гармоническая рациональная музыка, рациональный расчет в архитектуре «как основа стиля», рационализация живописи (перспектива), литература, «рассчитанная только на печать», — все это появилось на Западе.

Образование. Высшие учебные заведения, формально напоминающие западные университеты и академии, известны многим народам (Китай, страны ислама). Но рациональная систематическая подготовка к определенного рода деятельности, в частности, к научной, а также профессиональная научная деятельность, т.е. работа специалистов ученых, на которых по идее стоит современное государство и современная экономика, — известны, говорит Вебер, лишь Западу. В других культурах, считает он (надо помнить, что этот текст писался 100 лет назад), есть лишь «начатки» этого явления.

Управление. Профессиональные чиновники, в частности, даже специализирующиеся в определенной области и даже проходящие для этого особое обучение (как, например, в Китае), известны, конечно, во многих культурах. «Однако полной зависимости всей жизни, всех ее политических, экономических и технических предпосылок от *организации* профессионально подготовленных чиновников, подчинения всего человеческого существования технически, коммерчески и прежде всего *юридически* обра-

¹³ Ниже, с. 37. Материал о социологии музыки содержался в первом издании «Хозяйства и общества».

зованным государственным чиновникам, которые являются носителями основных повседневных функций социальной жизни, не было ни в одной стране, кроме современного Запада»¹⁴.

Государство. Уже сословное государство, по Веберу, характерно лишь для Запада, как и впоследствии институт парламента. Вообще же «государство» как «политическое учреждение»¹⁵ с рационально принимаемой «конституцией», рационально устанавливаемыми «законами», управляемое профессионально обучаемыми «чиновниками», известно, по Веберу, лишь Западу, хотя, как он постоянно предупреждает, «начатки» этого встречаются и в других культурах.

Хозяйство. Главная специфика западного развития в области хозяйства — это появление капитализма, «самой судьбоносной» силы современной жизни. Нужно, конечно, пояснить веберовское понимание этого чрезвычайно многозначного термина, причем его же собственными словами: «“Стремление к наживе”, “стремление к прибыли”, к денежной прибыли, к наибольшей денежной прибыли само по себе ничего общего не имеет с капитализмом. Это стремление наблюдалось и наблюдается у официантов, врачей, кучеров, художников, кокотов, чиновников-взяточников, солдат, разбойников, крестоносцев, посетителей игорных домов и нищих — можно с полным правом сказать, что оно свойственно all sorts and conditions of men¹⁶ всех эпох и стран мира повсюду, где для этого существовала или существует какая-либо объективная возможность. Подобные наивные представления о сущности капитализма принадлежат к тем истинам, от которых следовало бы раз и навсегда отказаться еще на заре изучения истории культуры. Безудержная алчность в делах наживы ни в коей мере не тождественна капитализму и еще менее того его “духу”. Капитализм *может* быть идентичным “обузданию” этого иррационального стремления или, во всяком случае, его рациональному урегулированию. Но капитализм, безусловно, тождествен стремлению к *прибыли* в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия: к постоянно *возобновляющейся* прибыли, к *рентабельности*»¹⁷.

Чтобы четко усвоить, что представляет собой «капиталистическая» прибыль, надо запомнить следующее определение: «“Капиталистическим” хозяйственным действием прежде всего должно считаться такое, которое основано на ожидании прибыли путем использования возможностей об-

¹⁴ МВИП. С. 47.

¹⁵ О смысле государства как учреждения см. в словаре понятий Макса Вебера в конце настоящего тома.

¹⁶ Всем людям и обстоятельствам (англ.).

¹⁷ МВИП. С. 48.

мена, т.е. возможностей (формально) мирного приобретения. Формально или на деле насильственное извлечение дохода следует своим особым законам, и нецелесообразно подводить его под одну категорию с действиями, ориентированными на возможность получения прибыли посредством обмена»¹⁸.

Далее Вебер рассматривает целый ряд не столько экономических, сколько социальных характеристик «капиталистического» типа хозяйственных действий, без чего нельзя объяснить историческое значение капитализма. Это 1) рационально-капиталистическая организация (формально) свободного труда, 2) наличие формы рационального предприятия, ориентированного на товарный рынок, 3) разделение предприятия и домохозяйства, 4) рациональная бухгалтерия. Обо всем этом можно подробно прочитать в главе, посвященной экономической социологии¹⁹.

Мы же вернемся к веберовской характеристике той самой специфики Запада, которую он описывает, перечисляя (выше) особенные черты развития сфер социальной жизни на Западе (наука, искусство, образование, управление, государство, хозяйство), развитие которых приобрело универсальное значение для всего мира. В чем эта специфика? Не причины возникновения западного капитализма как такового стоят на переднем плане интересов Вебера, а признаки «специфического рационализма, характеризующего западную культуру»²⁰, а также причины его возникновения и оказываемые им воздействия.

По словам самого Вебера, «вопрос сводится к тому, чтобы определить *своеобразие* западного, а внутри него современного западного рационализма и объяснить его развитие. Любая подобная попытка толкования должна ввиду фундаментального значения хозяйства принимать во внимание прежде всего экономические условия. Однако нельзя упускать из виду и обратную каузальную связь. Ибо в такой же степени, как от рациональной техники и рационального права, экономический рационализм зависит и от способности и предрасположенности людей к определенным видам практически рационального *жизненного поведения*. Там, где факторы душевной природы ему препятствуют, там развитие *хозяйственно-рационального* жизненного поведения наталкивается на сильное внутреннее противодействие. В прошлом основными формирующими жизненное поведение элементами повсюду выступали магические и религиозные и основанные на вере в них этические представления о долге. О них и пойдет речь в последующем изложении»²¹.

¹⁸ МВИП. С. 48.

¹⁹ См. гл. 2 настоящего тома.

²⁰ МВИП. С. 55.

²¹ МВИП. С. 55–56.

Последняя фраза напоминает о том, что цитируемый текст принадлежит предисловию Вебера к сборнику работ по социологии религии. Но нас в данный момент интересует не религия, а своеобразное понимание универсально-исторических закономерностей, которое составляет идейное ядро всего творчества Вебера, в частности, «Хозяйства и общества». В цитируемом предисловии это понимание кратко и выразительно сформулировано. В самом общем виде его можно свести к нескольким тезисам.

1. Специфика культурного и социально-экономического развития Запада, придающая этому развитию универсальный смысл и значимость, состоит в рационализме Запада и западного образа жизни («жизненного поведения»).

2. Рационализм пронизывает все сферы и аспекты западной жизни, по-своему проявляясь в каждой из них, наиболее, может быть, ярко и выразительно в сфере хозяйства. Именно этот рационализм является причиной исторического влияния западной цивилизации.

3. Формирование западного рационализма — долгий и сложный исторический процесс.

4. В других культурных регионах элементы рационализма появлялись и исчезали в разных сферах жизни в разных исторических обстоятельствах, но по многим причинам этот рационализм нигде не сложился в качестве универсальной характеристики, определяющей самые разнообразные сферы жизни. Собственно, эти четыре тезиса можно считать выражающими в наиболее общей и абстрактной форме содержание как общесоциологической концепции Вебера, так и его представлений о развитии современной цивилизации. Наша задача здесь не критика, как и не апология идей Вебера²². Наша задача диктуется спецификой жанра — предисловия или вступительной статьи. Тексты Вебера, как убедится сам читатель, — это не легкое чтение. Поэтому, чтобы несколько облегчить читателю его задачу, мы стремимся дать ему некую общую концептуальную рамку, настроить его на определенную мыслительную установку, дать ему нечто вроде путеводной нити, чтобы он не только старался, понимая текст, угадывать, куда ведет его автор, но как бы заранее знал, куда его ведут.

Но, разумеется, несколько общих тезисов не исчерпывают многообразия тем, «сюжетов» и мыслительных ходов этого труда.

²² Из огромного количества имеющихся в мировой литературе трудов, посвященных общесоциологической концепции Вебера, укажем на две обобщающие и критические отечественные работы: *Давыдов Ю.Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис, 1998; *Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н.* История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: КомКнига, 2006.

4. Структура издания и трудности перевода

Как сказано выше, в основе настоящего, русского издания лежит издание Винкельмана 1972 г. с некоторыми непринципиальными изменениями. Вот оглавление винкельмановского издания²³:

Первая часть. Социологическое учение о категориях

- Глава 1.* Основные социологические понятия
- Глава 2.* Основные социологические категории хозяйствования
- Глава 3.* Типы господства
- Глава 4.* Сословия и классы

Вторая часть. Хозяйство и общественные порядки и силы

- Глава 1.* Хозяйство и общественные порядки
- Глава 2.* Хозяйственные отношения общностей (хозяйство и общество) в общих чертах
- Глава 3.* Типы общностей и обобществлений в их отношении к хозяйству
- Глава 4.* Отношения в этнических общностях
- Глава 5.* Социология религии
- Глава 6.* Рыночное обобществление
- Глава 7.* Социология права
- Глава 8.* Политические общности
- Глава 9.* Социология господства

Даже беглого взгляда достаточно, чтобы увидеть, что книга состоит из двух неравных по объему частей, которые условно можно назвать «новая» и «старая» части. Сначала идет «новая» часть, которая носит здесь название, данное еще Марианной Вебер, — «Социологическое учение о категориях». Ее можно было бы назвать общей социологией. В нее входят четыре главы, и если выделить эту часть в отдельную работу, то можно сказать, что она как раз представляет собой самую широко известную и самую влиятельную из работ Вебера. Сформированные в ней понятия, такие как, например, «социальное действие», «харизма», «бюрократия», не просто вошли в социологический лексикон, но стали — при всех сложных путях их усвоения и интерпретации — ключевыми терминами современной культуры. Именно материалы этой первой части составили том 1/23 полного академического издания Вебера. Мы называем эту часть новой, потому что она была написана в 1918–1920 гг. и является самой «молодой» во всем корпусе текстов, объединенных под заголовком «Хозяйство и общество». Это также единственная часть книги, которая была подготовлена и частично доведена

²³ Здесь указаны только основные структурные элементы — части и главы, более мелкие элементы опущены.

до стадии корректуры самим Вебером; слово «частично» здесь необходимо потому, что если ее первые три главы выглядят более или менее законченными, то четвертая представляет собой не столько главу, сколько набросок ее содержания, также в этой части встречаются ссылки на пятую главу, которая, по всей вероятности, так и осталась ненаписанной. Смерть настигла автора, когда работа была в самом разгаре.

Вторая, «старая» часть — это девять глав, которые были написаны Вебером до 1914 г. и с тех пор не подвергались существенной переработке или редактированию. Тематически это социология общностей (гл. 1–4, 6 и 8, в полном издании им соответствует том 2/22-1), социология религии (гл. 5, в полном издании — том 2/22-2), социология права (гл. 7, в полном издании — том 2/22-3), социология господства (гл. 9, разделы 1–6, в полном издании — том 2/22-4) и социология города (гл. 9, раздел 7, в полном издании — том 2/22-5). В девяти главах этой части, составившей более 80% общего объема книги, аккумулирован гигантский материал сравнительных историко-социологических исследований, который, как предполагается, должен был стать для автора основой грандиозного универсально-исторического и социологического синтеза.

Винкельмановское издание (с которого сделан наш перевод) выходило в двух вариантах — в одном и двух томах, в последнем случае разделение на тома происходило по объему, а не содержательно. Даже одготомник, где полностью отсутствовал научный и справочный аппарат, составлял по объему почти 1000 страниц немецкого текста. Поэтому было принято решение снабдить русское издание необходимыми справочными материалами и примечаниями и разбить книгу на четыре тома, исходя из того простого соображения, что книгой надо интенсивно пользоваться, читать ее и изучать, а это затруднительно, если перед читателем лежит полторакилограммовый тысячестраничный «кирпич».

В ходе этой мини-деконструкции была почти полностью сохранена структура исходного винкельмановского издания. Вот как выглядит публикуемый ныне русскоязычный четырехтомник.

Том I. Социология

- Глава 1.* Основные социологические понятия
- Глава 2.* Основные социологические категории хозяйствования
- Глава 3.* Типы господства
- Глава 4.* Сословия и классы

Том II. Общности

- Глава 1.* Хозяйственные отношения общностей (хозяйство и общество) в общих чертах
- Глава 2.* Типы общностей и обобществлений в их отношении к хозяйству

- Глава 3.* Отношения в этнических общностях
Глава 4. Социология религии (типы религиозных общностей)
Глава 5. Рыночное обобществление
Глава 6. Политические общности
Глава 7. Классы, сословия, партии

Том III. Право

- Часть 1.* Хозяйство и общественные порядки
Часть 2. Социология права

Том IV. Господство

- Раздел первый.* Структурные формы и способы функционирования господства.
Раздел второй. Предпосылки и развертывание бюрократического господства
Раздел третий. Патриархальное и патримониальное господство
Раздел четвертый. Феодализм, «сословное государство» и патримониализм
Раздел пятый. Харизматическое господство и его преобразование
Раздел шестой. Политическое и иерократическое господство
Раздел седьмой. Нелегитимное господство (социология городов)
Раздел восьмой. Рациональное государство как учреждение и современные политические партии и парламенты (социология государства)

Итак, том I русского издания полностью воспроизводит содержание первой части издания Винкельмана, а также тома 23 академического издания Вебера. Название «Социология» повторяет название соответствующего тома академического издания.

В том II вошли главы 2–6 и 8 из второй части издания Винкельмана. Глава 1 второй части винкельмановского издания вошла в том III. При этом восьмая винкельмановская глава была разбита на две (гл. 6 и 7 в нашем издании), как это сделано в академическом издании. Оттуда же взято название тома — «Общности».

Содержание тома III составляют глава 1 и объемистая глава 7 второй части издания Винкельмана. Том назван «Право», как и соответствующий том (том 1/22-3) в академическом издании.

В том IV целиком вошла глава 9 «Социология господства» из винкельмановского издания. Том называется «Господство», как и соответствующий том (том 1/22-4) академического издания²⁴.

²⁴ Отдельно обоснование структуры глав и разделов того или иного тома содержится в предисловии к каждому из томов.

Структура работы выглядит естественной и логичной независимо от того, издается книга в семи, четырех или двух томах, либо в одном томе. Однако возникает интересный вопрос: в каком отношении друг к другу стоят «старая» и «новая» части и что дает основания связывать их в одно целое, причем целостность эту не в состоянии разрушить даже предпринятая деконструкция «Хозяйства и общества»?

Первый и, наверное, правильный ответ дала Марианна Вебер в предисловии к первому, подготовленному ею изданию²⁵. Она считает, что систематическая часть (часть первая у Марианны Вебер и Винкельмана) и описательная часть (часть вторая в этих изданиях) дополняют друг друга. Для читателя понимание и восприятие идей первой части облегчается благодаря более описательному характеру представления социологических явлений во второй части. Содержание последней можно назвать конкретной социологией в отличие от абстрактной социологии первой части. Если в первой — «абстрактной» — части исторический материал, привлекаемый и там, служит в основном для иллюстрации понятий, то во второй, наоборот, «идеально-типические понятия ставятся на службу понимающего постижения связей всемирно-исторических фактов, институтов и тенденций развития»²⁶.

То есть получается так, что первая часть содержит понятия, посредством которых во второй части происходит описание конкретных процессов всемирно-исторического развития. Это тоже выглядит естественно и логично, но перестает так выглядеть, если учесть, что работы, составившие «конкретную» вторую часть, были написаны в основном в 1911–1913 гг., а «абстрактная» первая часть, путем «приложения» понятий которой к социально-исторической реальности должна была быть создана «конкретная» часть, возникла только в 1918–1920 гг. То есть сначала было проведено исследование, а потом возникли понятия, которые использовались для проведения исследования.

Разумеется, нельзя подходить к делу столь педантично. Методологическая рефлексия была свойственна Веберу на всех этапах его работы. Во всяком случае, уже в 1913 г. была опубликована статья «О некоторых категориях понимающей социологии»²⁷, которая, скорее всего, и служила методологической основой исследований «всемирно-исторических фактов, институтов и тенденций развития», подготовленных в 1911–1913 гг. и составивших впоследствии вторую часть «Хозяйства и общества». Эта статья

²⁵ См. с. 35–36 настоящего тома.

²⁶ С. 35 настоящего тома.

²⁷ *Weber Max. Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie // Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur. Hrsg. v. R. Kroner u. G. Mehlis. Bd. IV. Heft 3. Tübingen: Mohr Siebeck, 1913. S. 253–294; перепечатано в: GAZW. S. 427–473. Рус. пер.: МВИП. С. 495–546.*

может рассматриваться как ступень в становлении методологических идей первой части «Хозяйства и общества»²⁸. Кроме того, надо учитывать такую слабоформализуемую вещь, как единство сознания исследователя на разных этапах его работы, а также сложность процессов образования понятий, которые не рождаются в готовом виде, как Афина из головы Зевса, по любимому выражению классиков. Но все равно одновременность и разная целевая определенность первой и второй частей остаются неким тревожащим необъяснимым моментом в структуре «Хозяйства и общества». Иногда даже трудно отделаться от ощущения, что автор, написав книгу и будучи ею не совсем удовлетворенным, стал писать ее вновь с начала, но не успел. Поэтому мы имеем дело с новым началом книги и со «старым» продолжением. Что думал и что планировал Вебер сто с лишним лет назад, скорее всего, навсегда останется неизвестным. Редакторы последнего, деконструированного издания предполагают, что структура новой версии произведения должна была выглядеть следующим образом²⁹:

- I. Основные социологические понятия
- II. Основные социологические категории хозяйствования
- III. Типы господства
- IV. Сословия и классы
- V. Социология общностей
- VI. Социология религии
- VII. Социология права
- VIII. Социология государства.

Во всяком случае, в этом свете выглядит разумным и уместным выделение редакторами академического издания этой самой первой части в отдельный том под отдельным названием «Социология». То же сделали и мы в русском переводе. Этот шаг, не разрушая целостности книги, все же позволяет дистанцироваться от претензий на точное воспроизведение планов автора, умершего 100 лет назад.

Эти одновременность и различная целевая определенность старой и новой частей книги составили очень большую проблему при переводе на русский язык и научном редактировании «Хозяйства и общества». Если новая часть у Вебера содержала новые понятия, то нетрудно догадаться, что в «старой» части использовались, если можно так выразиться, старые понятия, представленные, в частности, в упомянутой выше статье 1913 г. Но далеко не все переводчики были специалистами в социологии, да и, вообще, эту терминологию надо было внутренне пережить, что было возможно лишь в ходе перевода; тем самым огромная ответственность возла-

²⁸ Вебер сам отмечает, что терминология в первой части по сравнению с этой статьёй была «значительно изменена» (с. 67 настоящего тома).

²⁹ См.: MWGA. I/23. S. 16.

галась на научного редактора, которому только работа терминологически и открывалась во всей ее противоречивой целостности.

Возьмем для примера два понятия: «социальное действие» и «общность», которые являются конститутивными с точки зрения смысловой организации как первой, так и второй части книги. Так, в первой части Вебер использует понятие социального действия (*soziales Handeln*), которое вводится как одно из важнейших понятий уже в самых первых параграфах первой главы. В главах же второй, «старой» части это понятие отсутствует, ему приблизительно соответствует здесь понятие действия общности, или общностного действия (*Gemeinschaftshandeln*). Не вдаваясь пока в рассмотрение того, чем различаются эти два понятия, замечу, что в американском переводе оба термина передаются словосочетанием «social action». В результате возникает любопытная коллизия: в гл. 2 ч. 2 (у нас в гл. 1 второго тома), т.е. в «старой» части, однажды встречается нехарактерный для этой части термин «социальное действие» («*soziales Handeln*»), что дает основание американскому переводчику справедливо заподозрить позднейшую вставку, и он пишет (в примечании), что термин «социальное действие», т.е. «*soziales Handeln*», в период написания главы Вебером не употреблялся, а употреблялся термин «*Gemeinschaftshandeln*», и... переводит его как «социальное действие»³⁰.

Еще сложнее обстоит дело с понятием общности. В «старой» части Вебер пользовался в основном широко распространенным в тогдашней немецкой социологии термином «*Gemeinschaft*», тогда как в новой части его место занял термин «*Vergemeinschaftung*», который может быть истолкован (и истолковывается некоторыми исследователями Вебера) и как общность, и как процесс образования общности и в этом последнем смысле считается синонимом термина «*Gemeinschaftshandeln*»³¹. Здесь пришлось следовать по сомнительному пути американцев, переводивших термином «social action» два разных немецких термина, и передавать и «*Gemeinschaft*», и «*Vergemeinschaftung*» одним русским словом «общность». В английском тоже и то, и другое — *community*. Дело, наверное, в наличии в немецком языке богатейшей — по сравнению с русским или английским — номенклатуры понятий, выражающих разные формы и степени коллективности. Там, где мы располагаем только терминами «общность» и «община» (а в английском имеется только *community*), немецкий язык предлагает до десятка однокоренных слов — от *Gemeinschaft* до *Vergemeinschaftung* и от *Gemeinde* до *Gemeinderschaft*³².

³⁰ EaS. P. 340, 354.

³¹ MWD. P. 248.

³² О содержании конкретных категорий см. в справочных материалах в конце тома (глоссарий, словарь иноязычных слов и выражений, словарь понятий Макса Вебера).

Но нельзя просто свести дело к тому, что, мол, один язык богаче другого. Каковы причины того, что в немецком языке различия правовых форм общностей ведут к появлению разных терминов для обозначения этих форм, а в английском разные формы обозначаются одним и тем же термином? Обусловлено ли это и как обусловлено различием форм права? Как обстоит с этим дело в русском языке? Это интересные вопросы для социолингвистики, социологии знания и других научных дисциплин. Я привожу эти, может быть, необязательные, с точки зрения большинства читателей, примеры и вопросы для того, чтобы показать внутреннюю сложность организации этого самого главного труда Макса Вебера, а также колоссальные трудности, возникающие в процессе его перевода и понимания.

5. Содержание первого тома

В этот, первый том как раз и вошли главы, составившие первую часть всех ранних изданий «Хозяйства и общества», подготовленных сначала Марианной Вебер, а затем Йоханнесом Винкельманом, а потом вошедшие в том 1/23 академического издания Вебера. В отличие от остальных томов, обоснование его состава не является проблемой. Сам Макс Вебер подписал корректуры глав, вышедших в качестве первого выпуска новой планируемой книги уже после смерти автора.

В *первой главе* Вебер представляет ставшие впоследствии знаменитыми «основные социологические понятия» в их систематической взаимосвязи. Очевидно, что этот текст — точнее, его первые параграфы — представляет собой развитие и переработку идей, первоначально высказанных в статье 1913 г. Но здесь имеется нечто большее. Как верно отмечает Д. Кеслер, здесь Вебер вырабатывает «программу *своей* социологии»³³, формулирует ее содержательные и методические характеристики, ее основные понятия и термины, показывает, как она граничит с другими научными дисциплинами.

В основе лежит понятие социального действия. Здесь важны три концепта. Во-первых, человеческое *поведение* (все равно, говорит Вебер, внешнее или внутреннее, воздержание от действия или претерпевание). Во-вторых, *действие*. Это часть поведения «если и поскольку действующий или действующие связывают с ним субъективный смысл»³⁴. И наконец, *социальное действие*. Это действие, «которое по своему подразумеваемому действующим или действующими смыслу соотнесено с поведением *других* людей и ориентируется на него в своем протекании»³⁵.

³³ Kaesler D. Max Weber. Eine Einführung in Leben, Werk und Wirkung. Frankfurt a. M.: Campus, 2003. S. 193.

³⁴ С. 68 настоящего тома.

³⁵ Там же.

Отсюда следует веберовское классическое определение социологии: это «наука, которая стремится, истолковывая, понимать социальное действие и тем самым причинно объяснять его протекание и результаты»³⁶. Это очень четкое отграничение, предполагающее, что предметом социологии является не всякое человеческое поведение, а только осмысленное, т.е. имеющее субъективный, подразумеваемый *смысл* действие, причем не всякое такое действие, а только ориентированное на действия других индивидов.

Далее, нужно ответить на вопрос, что такое смысл действия. Смысл у Вебера понимается двояко. Это «либо а) фактически подразумеваемый α . конкретным действующим в исторически конкретном случае или β . усредненно и приблизительно истолкованный применительно к действующим в массе конкретных случаев, либо б) содержащийся в понятийно сконструированном чистом типе действующего или действующих субъективно *подразумеваемый* смысл»³⁷.

Собственно, в этих немногих определениях содержится ядро веберовской концептуализации социальной жизни. Остается добавить методологические соображения — вопросы понимания как «подразумеваемого смысла действия», так и более сложных «смысловых структур» и «смысловых связей» («мотивов»). *Мотив* — это смысловая структура, которая самому действующему или наблюдателю представляется смысловой основой поведения. По Веберу, «социологическое понимание налицо в том случае, если обеспечены “смысловая адекватность” и “каузальная адекватность”». Последовательно развивающееся поведение будет считаться *субъективно адекватным* (или адекватным в смысловом отношении) в той степени, в какой соотношение составляющих его частей воспринимается нами (в соответствии с привычными чувствами и мыслями) как типичная (мы обычно говорим “правильная”) смысловая связь. Напротив, “каузально адекватной” последовательность процессов будет считаться в той степени, в какой, согласно данным *опыта*, существует вероятность того, что она постоянно будет протекать таким же образом»³⁸.

Задача социологического познания состоит в соединении требований смысловой и каузальной адекватности в вероятностных суждениях, представляющих собой рациональные конструкции социальных явлений. «Только статистические регулярности, соответствующие *понимаемому* подразумеваемому смыслу социального действия, представляют собой (в принятом здесь смысле слова) понимаемые типы действия, т.е. социологические правила. Только такие рациональные конструкции осмысленно понимаемого действия суть социологические типы реальных явлений,

³⁶ С. 68 настоящего тома.

³⁷ Там же.

³⁸ С. 74 настоящего тома.

которые можно, по крайней мере в некотором приближении, наблюдать в действительности»³⁹.

Собственно, типы явлений и есть главный инструмент социолога при изучении конкретных социальных процессов и явлений. Вебер пишет: «Социолог должен создавать чистые (*идеальные*) типы соответствующих образований, каждый из которых должен обладать логической цельностью при максимальной *смысловой* адекватности. В реальности такой идеальный *чистый* тип настолько же маловероятен, как и физическая реакция, рассчитанная при условии абсолютно пустого пространства. Социологическая казуистика возможна только на основе чистого (идеального) типа. Само собой разумеется, что кроме того социология применяет по возможности и *усредненный* тип эмпирико-статистического характера, не нуждающийся в особом методологическом обсуждении. Но, говоря о *типических* случаях, она, без сомнения, всегда имеет в виду *идеальный* тип, который, в свою очередь, *может* быть рациональным или иррациональным, большей же частью является рациональным и всегда конструируется как адекватный *по смыслу*»⁴⁰.

Далее в этой же главе следуют — без преувеличения можно сказать — эпохально значимые конструкции «социологических типов» социального действия, легитимного порядка, организаций и учреждений, власти и господства и многих других социальных явлений.

Вторая глава посвящена экономической социологии, т.е. конструированию понятий и типов экономического действия. Экономическая социология неотделима здесь от общей социологии. Понимание экономического действия, «хозяйствования» непосредственно вытекает из понимания социального действия, как оно представлено в первой главе. «Хозяйствование (отдельного индивида) будет социальным действием только в том случае и лишь постольку, поскольку оно принимает в расчет поведение третьих лиц. В самом общем и формальном виде — следовательно, если данный индивид рассчитывает на уважение собственной распорядительной власти над экономическими благами со стороны третьих лиц. В материальном смысле — если, например, при потреблении он принимает в расчет будущие желания третьих лиц и начинает “экономить”. Или в том случае, если хозяйствование, например, в процессе производства ориентируется на будущие желания третьих лиц, и т.д.»⁴¹.

Уже в самом начале главы Вебер предостерегает от понимания его подхода как экономической теории. Это, говорит он, социологический подход, социологический способ видения, исходящий из того, что «все хозяй-

³⁹ С. 74 настоящего тома.

⁴⁰ С. 81 настоящего тома.

⁴¹ С. 83 настоящего тома.

ственные процессы и объекты становятся таковыми лишь благодаря смыслу, который придает им человеческое действие как своей цели, средству, препятствию или побочному результату»⁴².

Далее происходит систематическое конструирование «космоса» экономической жизни наподобие того, как ранее конструировалась в ее типических характеристиках социальная жизнь. Основополагающие типы здесь — традиционная и целерациональная ориентации хозяйственного поведения. Именно преобладание целерациональной ориентации ведет к победе капитализма, или, говоря словами Вебера, «делает возможным *дальнейшее* развитие специфически современного капиталистического хозяйства»⁴³. Конструируется понятие обмена как компромисса интересов между партнерами по обмену, причем также налицо традиционно и целерационально ориентированные типы обмена (последний характерен для денежной экономики). Путем анализа разных форм денег и кредита Вебер приходит к понятиям «рыночное положение», «рыночная ликвидность», «рыночная свобода». *Рыночным положением* называется «совокупность *осознаваемых* участниками обмена при ориентировании в ценовой и конкурентной борьбе возможностей обмена этого объекта на деньги; *рыночной ликвидностью* — уровень регулярности, с какой объект становится предметом рыночного обмена; *рыночной свободой* — уровень автономии отдельных участников обмена в ценовой и конкурентной борьбе»⁴⁴. В рамках общепринятого разделения домохозяйства и доходного предприятия Вебер определяет доходно ориентированное поведение как поведение, «направленное на возможность... получения новых прав распоряжения благами»⁴⁵. Именно в рамках последовательно доходной ориентации поведения как ее самый важный инструмент формируется явление «капитального расчета», противоположного «натуральному расчету», который характерен для традиционного способа хозяйствования. Капитальный расчет — это по своей природе денежный расчет. «Капитальный расчет в его *формально* наиболее рациональном виде предполагает... *борьбу человека с человеком*»⁴⁶.

Последнее связано с антиномией формальной и материальной рациональности, играющей основополагающую роль в определении социологического, точнее, даже социального, смысла экономического действия. Если антиномию в логическом смысле можно определить как принятие в качестве истинных двух взаимно отрицающих друг друга суждений, то в социологическом смысле антиномия двух типов рациональности представля-

⁴² С. 113 настоящего тома.

⁴³ С. 120 настоящего тома.

⁴⁴ С. 131 настоящего тома.

⁴⁵ С. 138 настоящего тома.

⁴⁶ С. 141 настоящего тома.

ет собой признание необходимости одновременной реализации двух типов социального действия, каждый из которых является отрицанием другого. Применительно к экономической жизни это антиномия формальной и материальной рациональности хозяйства. Формальная рациональность — это последовательное и неуклонное следование требованиям рациональности, воплощенным в капитальном расчете, а материальная рациональность — это ориентация экономического поведения на конкретные социальные цели. Это рациональное преследование неких материальных целей, принятие которых само по себе не есть рациональный акт. Таким образом, в экономике воплощаются два типа социального действия, выделенные Вебером в первой главе, — целерациональное и ценностно-рациональное. Именно указанная антиномия есть источник вечного и, пожалуй, неразрешимого конфликта экономических идеологий социалистической и либеральной природы.

Уникальным в своем роде является также данный во второй главе чрезвычайно строгий, лапидарный, скупой в стилистическом отношении анализ организационных форм хозяйственного поведения в разных отраслях экономики в их историческом развитии.

Третья глава посвящена социологии господства. Как и при рассмотрении экономической социологии, в социологии господства Вебер следует принципам, выработанным в первой главе, рассматривая господство как особую форму социального поведения, порождающую особые организационные типы и формы.

По Веберу, «господством называется вероятность того, что определенные люди повинуются приказу определенного содержания»⁴⁷. Надо понимать, чем господство отличается от власти. Понятие власти, говорит Вебер, социологически аморфно. Любые человеческие качества и любые сочетания обстоятельств могут помочь человеку реализовать свою волю в имеющейся ситуации. Понятие же господства предполагает наличие четкой структуры распоряжения и подчинения. Наличие структуры господства означает вероятность встретить повиновение приказу.

Есть три чистых типа легитимного господства: рациональное, традиционное, харизматическое.

«Притязания на легитимность изначально могут базироваться:

1) на *рациональном* основании, т.е. на вере в легальность зафиксированных в формальных актах порядков и прав распоряжения, принадлежащих тем, кто призван к господству на основе этих порядков (легальное господство);

2) на *традиционном* основании, т.е. на повседневной вере в святость издавна действующей традиции и в легитимность основанного на этой традиции авторитета (традиционное господство);

⁴⁷ С. 109 настоящего тома.

3) на *харизматическом* основании, т.е. на выходящем за пределы повседневного опыта убеждении в святости или героической мощи, либо совершенстве какой-то персоны и провозглашенного или созданного ею порядка (харизматическое господство)»⁴⁸.

В качестве структур рационального господства Вебер рассматривает бюрократию в разных ее формах. В качестве структур господства, основанных на традиционном типе легитимации, анализируются в основном сословно-патримониальный и феодальный типы господства. И наконец, в качестве структур харизматического господства выступают пророчества разного рода и общности, возникающие и развивающиеся на их основе.

Очень важно отметить, что, как и в предыдущих главах, Вебер не «рассматривает проблемы» и не «решает проблемы», как это вроде бы полагается делать исследователям. Он формирует чистые типы явлений социальной жизни. Это видно даже при взгляде на оглавление: «Три чистых типа легитимного господства», «Легальное господство: чистый тип с бюрократическим штабом управления», «Традиционное господство: чистый тип» и т.д. Кажется очевидным, что речь идет именно о формировании инструментов исследования культурно-исторического многообразия человеческой истории.

Четвертая глава оказалась незаконченной, более того, это не глава даже, а набросок, план главы, который, очевидно, еще предстояло реализовать. Глава посвящена типологизации основных социоструктурных групп современного общества — классов и сословий. Вебер формирует сложную структуру классов. Прежде всего, классы разделяются на классы владения и классы дохода в зависимости от того, определяется жизненный стиль индивида имуществом, которым он располагает, или доходом, который он получает. Так, человек, живущий за счет сдачи в аренду недвижимости (не важно, «двушка» это в пригороде или гигантский офисный центр), будет отнесен к классу владения, а рабочий или предприниматель, живущий за счет рыночного обмена товаров и услуг, — к классу дохода.

Далее, классы владения, как и классы дохода, подразделяются на группы позитивно привилегированных и негативно привилегированных. Типичные позитивно привилегированные класса владения — это рантье, негативно привилегированные — рабы, должники, деклассированные, бедные. В классе дохода позитивно привилегированные — предприниматели, негативно привилегированные — наемные работники разных категорий.

Но этим типология не исчерпывается. Если взять, к примеру, предпринимателей, то можно выделить как минимум пять групп: предприниматели в торговле, в сфере транспорта, на производстве, в сельском хозяйстве, в банковско-финансовой сфере. Точно так же и наемные работ-

⁴⁸ С. 255 настоящего тома.

ники, относящиеся к классу дохода, различаются, во-первых, по роду выполняемых ими обязанностей (менеджеры, руководители), во-вторых, по отрасли, в которой они работают.

Все эти классификации, которые могут на первый взгляд показаться громоздкими и ненужными, на самом деле необходимы для фиксации интересов разных социоструктурных групп и направлений их деятельности в разных условиях и при разной социальной и экономической конъюнктуре. То есть недостаточно, как в вульгарном марксизме, противопоставить интересы трудящихся интересам капиталистов. Надо еще учитывать, в какой сфере трудится трудящийся, к какой группе работников он относится (например, какова его рабочая квалификация). Также и предприниматели, например, сельскохозяйственные и промышленные, могут иметь одинаковые, а могут — разные интересы в разных экономических ситуациях. Представляется, что анализ классов (а также сословий) у Вебера дает больше для понимания современного общества, чем довольно схематичный анализ классов у Маркса.

Собственно, это и есть краткое описание содержания первого тома русского издания. Такого же рода описание содержания будет предшествовать каждому из последующих томов.

* * *

Над переводом четырехтомника работала большая группа переводчиков: А.Ю. Антоновский, А.Н. Беляев, В.А. Брун-Цеховой, О.Л. Дубовик, А.Э. Жалинский, А.Л. Иванова, Л.Г. Ионин, Е.Н. Корепанов, А.В. Михайловский, А.А. Рерихт, И.А. Сударикова. Указания о том, кому принадлежит перевод конкретных глав, даются в каждом из томов. Некоторые главы, вошедшие в тома II и IV, были опубликованы ранее в переводе М.И. Левиной и печатаются здесь с ее разрешения.

В заключительном разделе тома IV использованы фрагменты следующих работ Вебера, вышедших ранее в русском переводе: «История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории» (под ред. И.М. Гревса. Пг.: Наука и школа, 1923), политические статьи в переводе Б.М. Скуратова (*Вебер Макс. Политические работы. М.: Праксис, 2003*), статья «Политика как призвание и профессия» в переводе А.Ф. Филиппова и П.П. Гайдено (МВИП. С. 644–706).

Хочу поблагодарить всех переводчиков, которые не только отважились взяться за трудный текст такого сложного автора, как Макс Вебер, но и сумели довести перевод до конца. Мне, как редактору русского издания, может быть, и хотелось бы списать на переводчиков неизбежные в таком большом и сложном издании неточности и ошибки, но мне пришлось вложить столь много труда в проверку терминов, интерпретацию понятий и связанное с этим часто очень значительное изменение текста, что кажется правильным принять на себя ответственность за недостатки перевода.

Благодарю профессора Л.С. Гребнева за внимательное прочтение объемной главы по экономической социологии и за высказывания ряда ценных замечаний. Также хочу принести искреннюю благодарность Т.В. Соколовой, мобилизовавшей свой редакторский и филологический талант на диалог с Максом Вебером, в результате которого в значительной степени и сложился публикуемый ниже текст.

Для облегчения студенту и исследователю в области социальных и гуманитарных наук, да и просто любознательному читателю большой работы по изучению труда Вебера издание снабжено научным аппаратом: глоссарием, словарем иноязычных слов и выражений, а также специальным словарем понятий Макса Вебера и детальным библиографическим указателем. Последнее — наряду со стандартными именованным и предметным указателями. Составление всех этих словарей и указателей (кроме именованного) взял на себя редактор перевода. Ему же принадлежат и постраничные примечания в тексте, за исключением тех, источник которых указан особо.

Просьба любые замечания и соображения, касающиеся настоящего издания, направлять по адресу max.weber.rus@gmail.com.

Л. Ионин

Предисловие к первому немецкому изданию

Работы, составившие продолжение «Хозяйства и общества», выходящее в этом и двух последующих выпусках, были найдены в рукописном наследии автора. Они были написаны раньше тех, что составили первый выпуск — систематическое социологическое учение о понятиях, — и относятся в основном, за исключением нескольких более поздних вставок, к 1911–1913 гг. Систематическая часть, которую, скорее всего, предполагалось продолжить, требовала овладения эмпирическим материалом, который автор намеревался встроить в возможно более содержательное учение о понятиях. Для читателя, наоборот, понимание и восприятие облегчается благодаря более описательному характеру представления социологических явлений. В этих частях, которые можно назвать конкретной социологией в отличие от абстрактной социологии первой части, огромный исторический материал *систематически* упорядочен, т.е. подается не просто в описательном виде, а при помощи идеально-типических понятий. (Чисто описательная форма избрана только для законченного сочинения «Город»¹.) Если в первой, абстрактной части исторический материал, привлекаемый и там, служит в основном для иллюстрации понятий, то теперь, наоборот, идеально-типические понятия ставятся на службу понимающего постижения связей всемирно-исторических фактов, институтов и тенденций развития.

Издание этого незавершенного труда после смерти автора, естественно, вызвало определенные трудности. Отсутствовала структура целого. Хотя первоначальный план, данный в первом томе «Основ социальной экономики»², предоставлял определенные опорные точки, автор от него во многом отошел. Поэтому решение о последовательности размещения глав пришлось принимать издательнице и ее сотрудникам. Не все фрагменты были завершенными, такими их и пришлось оставить. Предваряющий текст краткий обзор содержания имелся только в главе о социологии права³. Некоторые примеры, привлекаемые для объяснения типичных процессов, а также некоторые важные тезисы иногда повторяются, хотя каждый раз в

¹ В настоящем русском издании этому соответствует седьмой раздел «Нелегитимное господство (социология городов)» тома IV.

² Многотомный коллективный труд, в рамках которого Макс Вебер планировал опубликовать «Хозяйство и общество». Подробнее см. ниже в предисловиях к четвертому и пятому немецким изданиям.

³ В настоящем издании — часть 2 тома III.

ином контексте. Вероятно, автор, будь ему суждено доработать свой труд, удалил бы какие-то части текста. Издательница позволила себе сделать это лишь в немногих случаях. Расшифровка рукописей, являющаяся заслугой наборщиков издательства, породила сомнения и новые вопросы, в частности, вопрос о правильности написания множества иноязычных терминов неевропейского происхождения и т.п. Не исключено, что, несмотря на дружескую помощь специалистов в разных областях, не удалось избежать ошибок.

Бок о бок с издательницей над книгой работал д-р Мельхиор Пальи. Было бы невозможно осуществить издание без самоотверженной и преданной помощи этого ученого специалиста, заслужившего нашу непреходящую благодарность.

*Марианна Вебер
Гейдельберг, 1921 г., октябрь*

Предисловие ко второму немецкому изданию

Работа очищена от опечаток и для удобства пользования разделена на два полутома. Кроме того, в качестве приложения добавлен труд по социологии музыки¹, но без включения его содержания в предметный указатель, переработка которого была в этот момент невозможна.

Присоединить сложную работу по социологии музыки, которая вышла сначала отдельной брошюрой с предисловием профессора Т. Крейера, чья большая заслуга состоит в тщательной проверке специальной терминологии, к тому социологическому труду Макса Вебера, с которым она больше всего, хотя и косвенно, связана, показалось уместным, поскольку это первый строительный блок запланированной им социологии искусства. Уже при беглом сравнении музыкальных образов Востока и Запада автора захватило открытие, состоящее в том, что даже — и именно — в музыке, которая считается чистейшим из порожденных чувствами искусств, рациональное начало играет столь важную роль, и своеобразие западной музыки, как и своеобразие западной науки и всех государственных и общественных институтов, обусловлено специфической формой рационализма. Занимаясь этими тонкими материями, Вебер заметил в одном из писем 1912 г.: «Я, пожалуй, буду писать об определенных социальных условиях музыки, которыми объясняется то, что только у нас есть “гармоническая” музыка, хотя у иных культурных кругов более тонкий слух и более интенсивная музыкальная культура. И — интересное обстоятельство! — это продукт монашества, что я и постараюсь показать».

*Марианна Вебер
Гейдельберг, 1925 г., март*

¹ Начиная с пятого издания раздел о социологии музыки не включается редакторами в состав «Хозяйства и общества».

Предисловие к четвертому немецкому изданию

Главный труд Макса Вебера предстает здесь вне рамок «Основ социальной экономики», отдел III которых он до сих пор составлял, и в измененном виде. Новое издание готовилось в соответствии с принципами, изложенными редактором в специально посвященной этому статье¹.

Первая часть большой социологии Макса Вебера, содержащая учение о понятиях, была написана после Первой мировой войны, в 1918–1920 гг. Напротив, рукопись второй части была закончена в основном, если не считать некоторых позднейших вставок, еще до Первой мировой войны, в 1911–1913 гг. Впервые о существовании этой рукописи автор дал понять во вступительном замечании к написанной в 1913 г. статье о социологических категориях². План отдела III, предназначенного для редактируемых им «Основ социальной экономики» и названного «Хозяйство и общество», Макс Вебер опубликовал, когда старая рукопись уже имелась в наличии, в обзоре, озаглавленном «Структура работы в целом», который сначала прилагался к очередным, опубликованным до 1914 г. томам «Основ...»³. Так как рукопись старой части не подвергалась радикальной переработке, неудивительно, что ее составные части совпадают с первоначальным планом. Таким образом, план раскрывает общую композиционную идею работы. Более новая рукопись представляет собой разработку самого первого раздела плана, превращающую этот раздел в обширное, хотя и оставшееся незавершенным, классификационное учение о категориях. Воспроизводимый ниже для наглядности и сравнения подготовленный самим Максом Вебером план его очерка понимающей социологии в содержательном отношении положен в основу нынешнего издания.

Сохранение названия «Хозяйство и общество» требует некоторого объяснения. Обзор «Структура работы в целом» показывает, что отдел III имел

¹ *Winckelmann J.* Max Webers opus posthumum // *Zeitschrift f. d. gesamte Staatswissenschaft.* Bd. 105. 1949. S. 368 ff.

² *Weber Max.* Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie // *Logos.* Bd. IV. 1913. S. 253 ff.; см. также: *Weber Max.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. 2. Aufl. 1951. S. 427 ff.

³ Детальное изображение «структуры работы в целом» с названием каждого отдельного материала и именем предполагаемого автора дает, кроме того, появившийся в 1915 г. отчет издательства J.C.B. Mohr (Paul Siebeck) за 1914 г. (S. 9–13). Содержавшийся в нем проспект материала Макса Вебера вплоть до мелочей соответствует «Структуре работы в целом».

обобщающее название «Хозяйство и общество»⁴, но, в свою очередь, был разделен на две главные части, из которых только одну — «Хозяйство и общественные порядки и силы»⁵ — разрабатывал сам Макс Вебер. Фактически именно так должен был называться подготавливаемый для «Основ социальной экономики» собственный материал Макса Вебера, которому предстояло стать его «большой социологией». Несмотря на это, самая последняя и самая обширная работа Макса Вебера приобрела всемирную известность именно под названием «Хозяйство и общество». Появление измененного титульного листа первого издания означало отказ от членения отдела III на две части. Титульный лист теперь гласил: «Отдел III. Хозяйство и общество. Подготовлено Максом Вебером». В момент первой публикации, в 1922 г., работа Макса Вебера целиком составила отдел III с его сохранившимся названием «Хозяйство и общество».

Если это название сохранится и впредь для обозначения самостоятельной работы, независимой от сборника, в который, как предполагалось, она должна была войти, то произойдет это по двум причинам. С содержательной точки зрения важно, что основная по объему часть работы, т.е. ее вторая часть, называется «Хозяйство и общественные порядки и силы», и ей предпослано в качестве первой части возникшее позже и не озаглавленное самим Максом Вебером социологическое учение о категориях, тогда как название «Хозяйство и общество», объединяющее обе части, оказывается по существу очень подходящим для книги в целом. В практическом же отношении важно, что это название с самого начала применялось к веберовской социологии, и его упоминание, в частности при цитировании, стало привычным и знакомым. В заглавии воспроизводимого ниже первоначального плана стоит еще название отдела «Основ социальной экономики», позже отнесенное к собственно работе Вебера.

WIRTSCHAFT und GESELLSCHAFT

Die Wirtschaft und die gesellschaftlichen Ordnungen und Mächte

1. Kategorien der gesellschaftlichen Ordnungen.
Wirtschaft und Recht in ihrer prinzipiellen Beziehung.
Wirtschaftliche Beziehungen der Verbände im allgemeinen.
2. Hausgemeinschaft, Oikos und Betrieb.

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО

Хозяйство и общественные порядки и силы

1. Категории общественных порядков.
Хозяйство и право в их принципиальном отношении.
Экономические отношения союзов вообще.
2. Домашняя общность, ойкос и предприятие.

⁴ По аналогии с другими частями; например: «Хозяйство и экономическая наука», «Хозяйство и природа», «Хозяйство и техника».

⁵ Для написания еще одной части этого отдела в качестве автора был избран О. фон Филиппович.

3. Nachbarschaftsverband, Sippe und Gemeinde.	3. Соседский союз, род и община.
4. Ethnische Gemeinschaftsbeziehungen.	4. Этнические общинные отношения.
5. Religiöse Gemeinschaften. Klassenbedingtheit der Religionen; Kulturreligionen und Wirtschaftsgesinnung.	5. Религиозные общности. Классовая обусловленность религий; культурные религии и экономическое мышление.
6. Die Marktvergemeinschaftung.	6. Рыночная общность.
7. Der politische Verband. Die Entwicklungsbedingungen des Rechts, Stände, Klassen, Parteien. Die Nation.	7. Политический союз. Условия развития права. Сословия, классы, партии. Нация.
8. Die Herrschaft.	8. Господство.
a) Die drei Typen der legitimen Herrschaft.	a) Три типа легитимного господства.
b) Politische und hierokratische Herrschaft.	b) Политическое и иерократическое господство.
c) Die nichtlegitime Herrschaft. Typologie der Städte.	c) Нелегитимное господство. Типология городов.
d) Die Entwicklung des modernen Staates.	d) Развитие современного государства.
e) Die modernen politischen Parteien.	e) Современные политические партии.

Внешне членение нового издания во многих отношениях отличается от первоначального плана Макса Вебера. Каждый из двух массивов рукописи характеризуется разной постановкой тем. Если в более поздней рукописи разрабатывается типология понятий, то в более ранней изображены социологические связи и тенденции развития. В названии первого выпуска «Хозяйства и общества», подготовленного еще самим Вебером и содержавшего элементы незавершенного понятийного анализа, последний обозначался просто как «часть первая», что подчеркивается как частыми ссылками в учении о категориях на позднейшее «отдельное изложение», так и замечанием во второй части об «общей социологии»⁶, отличной от «отдельного изложения». Новое издание поэтому делится на две части: «Социологическое учение о категориях» и предметное изложение под названием «Хозяйство и общественные порядки и силы»⁷.

Первая часть воспроизводит без изменений первый выпуск, подготовленный еще самим Максом Вебером. К названиям параграфов были лишь добавлены расчленяющие текст промежуточные названия, данные самим автором, да внесен в качестве приложения набросок типологии сословий, обнаруженный в наследии. Вторая часть представляет собой текст старой рукописи, причем расположение материала в основном соответствует

⁶ Weber Max. *Wirtschaft und Gesellschaft*. 4. Aufl. S. 212.

⁷ Для сравнения см. также: Weber Marianne. *Max Weber — Ein Lebensbild*. 1. Aufl. 1926. S. 425, 675, 687 f, 709.

первоначальному плану Макса Вебера, хотя и отличается от него в четырех пунктах. В соответствии с предшествующими изданиями два отдельных отмеченных раздела п. 1 («Категории общественных порядков») первоначального плана стали предметом каждой отдельной главы, п. 2 («Домашняя общность, ойкос и предприятие») и п. 3 («Соседский союз, род и община») сведены в одну главу, а «Социология права», имевшаяся в завершенной форме, предпослана в качестве самостоятельной главы другой главе, соответствующей п. 7 («Политический союз») плана⁸. Все это обусловлено состоянием рукописи при самом первом издании. Последнее отклонение от первоначального плана, допущенное Максом Вебером, заключается в том, что подп. d) («Развитие современного государства») и подп. e) («Современные политические партии») п. 8 («Господство») сначала предполагали рассмотрение по отдельности современного государства и современных политических партий. Однако сам Макс Вебер в работе о категориях, сданной в печать в 1920 г., отнес содержательное изложение структуры и функции партий к социологии государства. Поскольку, по Веберу, парламент характерен для типа современного легального государства с представительной конституцией, он рассматривает его как государственный орган, но так как парламент, со своей стороны, не может быть объяснен вне партий, отдельное рассмотрение современных структурных форм государства, партий и парламентов не представляется возможным. Рассуждения, касающиеся рационального государства, парламента и партий, сведены поэтому воедино в рамках главы «Социология господства» и составляют ее последний раздел. В этих четырех пунктах изменения первоначального плана Макса Вебера в силу собственных, данных им объяснений могут рассматриваться как запланированные им самим.

Во второй части, перестроенной согласно предложениям редактора, прежние заголовки и вынесенные в начало глав краткие обзоры содержания были изменены из соображений либо приближения к первоначальному плану, либо более точной передачи содержания. В то же время они звучат несколько иначе, чем в первоначальном плане, и ближе к стилю, принятому в самих главах. При этом некоторые заголовки сформулированы четче, чем ранее. Это особенно касается раздела 7 главы 9, название которого восстановлено в характерной для Макса Вебера выразительности и согласно первоначальному плану, тем более что теперь, после включенного в раздел 8 аутентичного свидетельства Макса Вебера, не может быть сомнения относительно смысла, подразумеваемого им в категории «нелегитимное господство». Нелегитимное господство впервые складывается в

⁸ Структура настоящего, русского издания значительно отличается от четвертого и пятого немецких изданий, структуру которых представляет здесь Й. Винкельман. Почему были необходимы изменения и в чем они состоят, подробно описано во вступительной статье выше. — *Примеч. Л.Г. Ионина.*

западном культурном круге в результате политического конституирования городов как независимых «свободных» сообществ («свободных» не в смысле свободы от насильственного господства, а в смысле отсутствия легитимной в силу традиции, большей частью религиозно освященной княжеской власти как исключительного источника авторитета).

Что касается текста как такового, то, за исключением указанных выше изменений структуры, заголовков и обзоров содержания, предшествующих некоторым главам, он остался тем же, что и в прежних изданиях. В результате тщательного просмотра и иногда сверки с источником были устранены как очевидные ошибки, проникшие в текст при наборе и печати, так и оплошности, возникающие при интерпретации рукописи. Были учтены, вплоть до самых незначительных, замечания, высказанные г-ном Отто Хинце⁹. За исключением возникших по этой причине необходимых правок, иного вмешательства в текст не было. Только в незавершенном разделе 5 главы 9, во второй его части, текст был переставлен в трех местах ради убедительности структурирования. Приложение, посвященное социологии музыки, сравнивалось с первым отдельным изданием этой работы в 1921 г., которое также оказалось недостаточно достоверным. Многие недостатки текста, посвященного рациональности и социологии музыки, удалось устранить.

За информацию, с готовностью предоставленную мне при проверке иноязычных выражений из областей индологии, ориенталистики и этнологии, и связанные с этим усилия хочу выразить искреннюю признательность г-ну пастору д-ру Эрнсту Л. Дитриху (Висбаден), профессору Д. Отто Айсфельду (Галле), профессору, д-ру Хельмуту фон Глазенапу (Тюбинген), профессору, д-ру Хельмуту Риттеру (Франкфурт-на-Майне), а также профессору, д-ру Францу Термеру (Гамбург). Также я сердечно признателен господам профессору Карлу Шмитту (Плетенберг), профессору, д-ру Рольфу Штёттеру (Гамбург) и почетному профессору, д-ру Карлу Бринкману (Тюбинген) за разъяснение отдельных терминов. Я благодарен профессору, д-ру Вальтеру Герстенбергу (Тюбинген), проверившему понятия, относящиеся к теории музыки, и взявшему на себя труд по заключительному просмотру материала, посвященного социологии музыки. Только самоотверженная готовность помочь, проявленная всеми названными специалистами, сделала возможным создание надежного текста главного труда Макса Вебера. Не в последнюю очередь моя благодарность обращена к издателю г-ну Хансу Г. Зибеку, который решился на предложенную мною принципиальную переработку текста и доверил мне эту работу. Я признателен ему и за огромную помощь, оказанную издательством при решении этой задачи.

⁹ В ходе обсуждения 2-го издания «Хозяйства и общества» в «Шмоллеровском ежегоднике» (Schmollers Jahrbuch. 50. Jg. 1926. S. 87–88).

Рукопись «Хозяйства и общества» использовать не удалось, ее можно считать необнаруженной и, вероятно, утраченной. Если позднее она все-таки найдется, сверка покажет, сохранять или менять нынешние прочтения и конъектуры, а также названия глав, разделов и параграфов второй части. Вероятно, тогда закроются и имеющиеся пробелы. Квадратные скобки в тексте, если они отсутствовали в прежних изданиях, означают дополнения, сделанные редактором. Перечень новых прочтений знакомит с исправлениями, сделанными с момента выхода первого издания. Добавлены комментарии, имеющие целью критику текста. Указатель переработан и существенно расширен. Но совершенно особняком стоит последний раздел последней главы, добавленный в завершение второй части. Социология государства, которую планировал Вебер, осталась им ненаписанной. Поэтому издатель (в основном в дидактических целях) отважился предпринять попытку заполнить этот пробел, соединив принципиально важные для социологии государства фрагменты из посмертно изданной «Истории хозяйства» Макса Вебера¹⁰, а также из его политической статьи «Парламент и правительство в новой Германии»¹¹ и доклада «Политика как призвание и профессия»¹² и включив эту компиляцию в текст «Хозяйства и общества».

Столь рискованное предприятие вызывало серьезные сомнения и требовало тщательной проработки. В упомянутой в начале статьи автор этого предисловия старался показать, насколько мысль Макса Вебера, его преподавательская и лекторская работа в последний период творчества были пронизаны интересом к этим проблемам, которые не были еще до конца осмыслены им в контексте социологии господства, хотя отдельные подготовительные работы были уже напечатаны. Наглядное социологическое изображение процессов формирования рационального государства в дидактических разделах и рассуждениях в трех названных выше работах обогащается идейным материалом главного труда и, в свою очередь, оживляет его благодаря своей наглядности, демонстрируя в то же время место этих работ и содержащихся в них наблюдений в системе идей Вебера. Разрабо-

¹⁰ *Weber Max. Wirtschaftsgeschichte. Abriß der universalen Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1. Aufl. 1923; 2. Aufl. 1923; 3. ergänzte Auflage, 1958* (рус. пер.: *Вебер Макс. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории / под ред. И.М. Гревса. Пг.: Наука и школа, 1923; Вебер Макс. История хозяйства. Город. М.: Канон-Пресс, 2001*). — *Примеч. Л.Г. Иошина.*

¹¹ *Weber Max. Parlament und Regierung in neugeordneten Deutschland // Weber Max. Gesammelte politische Schriften. 3. Aufl. 1971* (рус. пер.: *Вебер Макс. Парламент и правительство в новой Германии // Вебер Макс. Политические работы. М.: Праксис, 2003*). Статья написана летом 1917 г., опубликована в 1918 г. — *Примеч. Л.Г. Иошина.*

¹² *Weber Max. Politik als Beruf // Weber Max. Gesammelte Politische Schriften. 1971* (рус. пер.: *Вебер Макс. Политика как призвание и профессия // Вебер Макс. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990*). Доклад прочитан зимой 1918–1919 г., впервые опубликован осенью 1919 г. — *Примеч. Л.Г. Иошина.*

таные Максом Вебером в последние годы жизни и сформулированные в названных работах основные положения социологии государства, пусть даже автор и не придал им окончательного облика для включения в свой главный труд, неожиданно вписываются в концепцию «Хозяйства и общества», проявившуюся в новом издании, и обеспечивают фундаментальное единство социологии господства Макса Вебера. Из понимания этого единства следует и структура представления социологии государства в заключительном разделе книги. В названии раздела 8 исследуемая проблема сформулирована в согласии с первоначальным планом и с использованием терминологии самого Вебера. Разделение текста на параграфы и выбор главнейших пришлось провести редактору. К этой структуре приспособлялось расположение отобранных фрагментов, причем приходилось прибегать к многочисленным перестановкам и опускать структурно и содержательно не отвечающие нашим целям разделы.

В результате оказывается, что текст, который представлен в этом разделе, написан самим Максом Вебером, за исключением одного несущественного переходного предложения, без которого оказалось трудно обойтись. Были элиминированы суждения чисто ценностного характера, изложение в ряде случаев переведено из формы обращения в форму высказывания. Поскольку исходные работы доступны публике, трудно возразить против такой обработки текста, отвечающей цели настоящего издания. Господину д-ру Хансу Брёрману, издателю трех использованных в этом разделе работ, следует принести особую благодарность за любезное разрешение на перепечатку избранных фрагментов.

Тем не менее должно быть ясно, что в результате всех усилий возник некий суррогат, а материал, упорядоченный здесь путем систематического отбора, представляет собой *pars pro toto* (часть вместо целого) и отнюдь не исчерпывает тематики социологии государства. Приходится также мириться с определенным стилистическим разнообразием, который объясняется не только частичным изменением формы первоначального высказывания в результате добавления или изъятия части текста. В оправдание можно сказать, что работы, где эти фрагменты стоят в аутентичном контексте, имеются в печатном виде, и в добавленном тексте нет ничего, что не было бы уже напечатано и не выражало идей и убеждений самого Макса Вебера. Кроме того, надо учитывать изменчивость стиля разрозненных высказываний, которые ученый использует *ad hoc* ради объяснения и обоснования каких-то тезисов и которые лишь теперь возвращены на свое типологическое место, соответствующее их собственному теоретическому содержанию и происхождению. К тому же не следует забывать: различные слои рукописи «Хозяйства и общества» восходят к разным периодам, в ней сосуществуют синтетически-типологическая, генетически-аналитическая и полемическая формы мышления и подачи материала, что соответствует способу работы и мотивам творчества Макса Вебера.

Нельзя не учесть и то обстоятельство, что, хотя раздел 8 дает представление о направлении мыслей Вебера по вопросам социологии государства, как они выражены также в других работах и (отчасти) в записях лекций, все же статьи и книга, из которых черпался материал для этого отдела, первоначально были написаны в другой связи и не предназначались для «Хозяйства и общества». Особенно это относится к статье «Парламент и правительство в новой Германии», которая имела в значительной степени политический программный характер. Во вступительных замечаниях к этой «политической критике чиновничества и партийной системы», написанной в 1918 г., Вебер говорит, что в ней нет ничего нового для специалистов по государственному праву, но она и не прикрывается авторитетом науки, ибо высказанные в ней пожелания нельзя обосновать научными средствами¹³. Его соображения венчаются выражением сознательного выбора в пользу определенной формы государства, а именно парламентской демократии, как она развивалась со второй половины XIX в., причем выбор этот не мог быть основан на эмпирической науке, которая строго нейтральна в отношении фиксируемого ею социального поведения. В этом смысле важны собственные слова Вебера о том, что «для любой партийной позиции, в том числе и для моей собственной, существуют чрезвычайно неприятные факты»¹⁴. Он решительно отверг бы включение его воспроизведенных здесь высказываний в такой их форме в «Хозяйство и общество», как не являющихся научными в смысле «свободной от ценностей социологии». Свое мнение на этот счет он со всей ясностью выразил в связи с предпринятым Вильгельмом Хасбахом критическим рассмотрением парламентского кабинетного правительства. Эти высказывания с приведенными выше оговорками все же включаются в книгу лишь потому, что в них выпукло проступают взгляды Вебера на социологию государства, имеющие важное познавательное значение, и они не должны быть выброшены с этого их «типологического места» по соображениям сколь угодно благоговейного отношения к целостности веберовской социологии.

Если принять эту точку зрения, окажется оправданной попытка ради дидактических целей и во имя завершенности труда дать обзор общей концепции и эмпирического материала в их целостности, позаботившись тем самым, чтобы основные теоретические идеи Вебера по социологии рационального государства, рассеянные за пределами его главного труда, не остались забытыми или непонятыми в той систематической связи и в том универсальном значении, которые на самом деле им свойственны.

Эти соображения, как и само включение в книгу фрагментов доклада Макса Вебера «Политика как призвание и профессия», не должны

¹³ *Вебер Макс*. Политические работы. М.: Праксис, 2003. С. 107.

¹⁴ *Weber Max*. Ges. Aufsätze z. Wissenschaftslehre. 2. Aufl. S. 587; 3. Aufl. S. 603.

преуменьшить собственную значимость доклада как такового. В нем содержатся лишь некоторые предварительные теоретические суждения о социологических предпосылках рациональной государственности и современной партийной системы, тогда как его собственная цель, выраженная в названии, состоит в разрешении той специфической конфликтной ситуации, в которой неизбежно оказывается профессиональный политик в условиях XX в. Идеальный центр тяжести работы лежит в анализе возможностей и последствий политической профессии, прежде всего в морально-философском анализе внутреннего конфликта политики и этики, тогда как с точки зрения теоретической социологии важны только социально-научные идеи. Получается, что именно то, что характерно и оригинально в этой работе, не входит в круг интересов социологии государства, поэтому мы не включили в составленный нами последний раздел основного труда Вебера ничего, что касается этой центральной темы знаменитого доклада.

Все усилия по структурированию и совершенствованию текста «Хозяйства и общества» не могут отменить того факта, что после смерти Вебера его большая социология осталась неоконченной. Это касается и общего плана, и оставшихся незавершенными фрагментов первой и второй частей, а в последней — прежде всего социологии государства и теории переворотов. Особенно важно, что Макс Веберу было не суждено построить понятийный аппарат, созданный им после 1918 г. в ходе работы над учением о категориях в первой части, в остальную часть рукописи, которая в терминологическом отношении воспроизводит уровень мышления, характерный для статьи о категориях, написанной одновременно с ней в 1913 г. Для понимания второй части нужно поэтому исходить из обсуждаемых в ней основных понятий, а не из понятийных типологий первой части. Следовательно, здесь можно говорить только о рамках общей концепции и о степени их заполнения. Остается все же надеяться, что в этих границах удалось воссоздать осмысленный текст, выражающий внутреннее строение работы и ее идейную структуру как смысловое единство. Тогда была бы достигнута цель, которой руководствовался редактор: сделать главный труд Макса Вебера легче читаемым и более доступным, раскрыв его тем самым для большего понимания на пользу исследователям, учителям и студентам.

*Йоханнес Винкельман
Оберурзель, лето 1955 г.*

Предисловие к пятому немецкому изданию

В предисловии к предыдущему, 4-му изданию (1956 г.) приводились некоторые соображения относительно имманентной структуры работы. При этом была дана ссылка на обширную статью редактора, обстоятельно трактующую связанные с этим проблемы¹. Однако это указание так и осталось всего лишь ссылкой, и сам материал не был прочитан. Ввиду того что прежних соображений, обосновывающих внутреннюю логику работы и необходимость расположения материала именно в таком виде, как это сделано в новом (5-м) издании, явно недостаточно, а само это издание надолго станет окончательной версией книги, мы считаем необходимым использовать настоящее предисловие для нового компактного (при всей требуемой строгости) обоснования обязательности представленного здесь систематического (или, точнее, типологического) членения. Это обоснование позволит также реконструировать в общих чертах и оставшиеся незаконченными заключительные разделы как первой, так и второй частей «Хозяйства и общества».

Поэтому новое предисловие должно содержать помимо (1) необходимых разъяснений «технического» характера (2) краткое обоснование имманентной композиционной идеи восстановленного труда Макса Вебера, как она следует из его же собственных планов. Кроме того, оно должно (3) детально показать или хотя бы наметить возможности методологического подхода, свойственного веберовской социологии, а именно подхода с точки зрения «субъективно подразумеваемого смысла», и также перспективы развитой Максом Вебером теории социального действия в ее восхождении ко все более обширным социальным образованиям.

Предложенное в 4-м издании расположение материалов, реализованное редактором в строгом соответствии с имеющимися наметками самого Макса Вебера, хотя и встречало возражения с немецкой стороны, было положено в основу всех новых зарубежных переводов, в частности, 2-го испанского издания (1964 г.), 1-го и 2-го итальянских изданий (1961 и 1968 гг.), трехтомного американского перевода (1968 г.), а также французского издания, первый том которого вышел в 1971 г. Следует только отметить, что в американском переводе дано более дробное подразделение глав и оба последних издания не воспроизвели заключительный раздел под названием «Социология государства», скомпилированный редакто-

¹ *Winckelmann J.* Max Webers opus posthumum // *Zeitschrift f. d. gesamte Staatswissenschaft.* Bd. 105. 1949. S. 368–387.

ром из других работ Макса Вебера, написанных в последний период его жизни.

В промежутке между 4-м и 5-м изданиями проводились новые сверки текста, а также шло обстоятельное изучение литературы, лежащей в основе работы, что привело не только к многочисленным новым исправлениям, но и к пониманию того, что краткое изложение «Трех чистых типов легитимного господства», включенное в издание 1956 г., не относится к контексту рукописи, а входит в сферу идей написанной в 1913 г. статьи о категориях, поэтому из нового издания его следует исключить².

I

Когда в 1952 г. г-н издатель обратился к автору настоящего предисловия с предложением взяться за новое, 4-е издание главного социологического труда Макса Вебера, основой для такого издания могли служить многочисленные указания самого Вебера. Это, во-первых, общая программа, подготовленная им как редактором многотомного издания «Grundriß der Sozialökonomik» («Основы социальной экономики»; далее — GdS) и опубликованная в 1915 г. в ежегодном отчете издательства в связи с появлением первых изданных в 1914 г. томов (отделы I, II, VI, VII.1 GdS); во-вторых, систематический обзор содержания под названием «Einteilung des Gesamtwerkes» («Структура работы в целом»), приданный отдельным томам GdS, изданным еще самим Максом Вебером; и, в-третьих, полный обзор содержания GdS, помещенный в качестве издательского объявления в первом издании (1915) «Bankpolitik» («Банковская политика») Феликса Зомари. В большинстве этих источников были указаны и предполагаемые авторы отдельных разделов. Последний том, изданный под редакцией самого Вебера, вышел в свет в 1918 г. (отдел V.1 GdS), а полное издание отдела VII с планом «Структура работы в целом» — в 1922 г. Каждое из этих описаний структуры GdS включало и разработанный Максом Вебером проспект его собственного вклада в этот систематический справочник, воспроизведенный в предисловии к 4-му изданию.

За первой частью отдела V GdS должна была следовать публикация отдела III, представлявшая собой первый выпуск собственного материала Макса Вебера, который он подготовил к печати и который вышел в свет в 1921 г., уже после его смерти.

Титульный лист выглядел так:

² Подробнее см. предисловие к 3-му изданию «статей о наукоучении»: *Weber Max. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. 3. Aufl. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1968. S. IX–X.

GRUNDRISS
der SOZIALÖKONOMIK
III. Abteilung
Wirtschaft und Gesellschaft
I
Die Wirtschaft und die
gesellschaftlichen Ordnungen
und Mächte
Bearbeitet von Max Weber
Erster Teil

ОСНОВЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ
Отдел III
Хозяйство и общество
I
Хозяйство
и общественные порядки и силы
Подготовлено
Максом Вебером
Первая часть

Тщательный анализ дает основания полагать, что Макс Вебер, в принципе, ничего не изменил в членении материала всего отдела III и особенно своего материала, который должен был составить только первую часть этого отдела. Весь GdS делился на пять книг и далее на девять отделов. Внутри первой книги («Основы хозяйства») имелись отделы «Хозяйство и экономическая наука» (I), «Хозяйство и природа» (II.1), «Хозяйство и техника» (II.2). Отдел III назывался «Хозяйство и общество» и делился на две главные части:

Отдел III

Хозяйство и общество

I. Хозяйство и общественные порядки и силы. Макс Вебер

II. Развитие экономико-политических и социально-политических систем и идеалов. О. фон Филиппович

Если сравнить с этим титульный лист первого выпуска работы Макса Вебера, вид которого определил он сам (см. выше), то очевидно, что он с самого начала не вызывал у него никаких сомнений. Заглавие: «Хозяйство и общественные порядки и силы». Цифра I означает, что работа представляет собой только первую часть отдела III, вторую часть которого должен был писать Ойген фон Филиппович, сдавший в то же издательство сборник докладов под названием «Die Entwicklung von wirtschaftspolitischen Ideen im 19. Jahrhundert» («Развитие хозяйственно-политических идей в XIX в.»). Но в 1917 г. фон Филиппович умер. Макс Вебер, очевидно, предполагал, что найдется редактор, который продолжит работу над рукописью Филипповича, учтя новейшие достижения науки, что и сделал позднее Эдуард Хайман. Но только во 2-м издании (1924 г.) весь подготовленный к печати материал был включен в отдел I («Хозяйство и экономическая наука»), что означало отказ от первоначального плана Макса Вебера, а тем самым и от веберовской композиции отдела «Хозяйство и общество», согласно которой в первой части должно было содержаться эмпирическое, т.е. исходящее

из эмпирически действующего человека и его бытийного мира, исследование и изображение процесса становления общественного хозяйства, а во второй части — идейно-историческое исследование, т.е. анализ систем и идеалов с точки зрения (якобы) чистого движения идей.

Наконец, добавление «Часть первая», следовавшее за данным Максом Вебером названием «Хозяйство и общественные порядки и силы», предполагает раздел, посвященный понятиям и методологии, который редактор в согласии с формулировкой Марианны Вебер³ назвал «Soziologische Kategorienlehre» («Учение о социологических категориях») и которому сам Макс Вебер не дал подзаголовка, хотя и характеризовал его иногда как «начальное определение понятий»⁴, а в одном месте как «общую социологию» в отличие от другого раздела (все еще лежавшего на его письменном столе), где предполагались предметные анализ и изложение.

Такое положение дел, обнаружившееся после смерти Макса Вебера, показывает, что он, в принципе, сохранил первоначально сформулированный план своей работы (как и всего отдела III)⁵. Посмертное издание в 1922 г. оставленного им труда разрушило эти композиционные связи. Титульный лист, подготовленный самим Вебером, был заменен другим, в результате чего название отдела превратилось в название тома. Соответственно был исключен раздел II и проведено членение материала, не учитывающее набросок плана, сделанный самим Вебером. Произвольно и логически неоправданно весь материал был разделен на три части.

Наряду с планами, оставшимися от Макса Вебера, и изданием 1922 г. при подготовке переиздания можно было опираться на три другие публикации: (1) статьи из наследия о логике и методике наук о культуре и обществе, которые издательница обозначила как «Aufsätze zur Wissenschaftslehre» («Статьи о наукоучении», 1922), особенно на материалы о соотношении понятия и понимаемого; (2) соответствующие данные в биографии Макса Вебера, написанной Марианной Вебер (1926)⁶; а также (3) уже упомянутые соображения автора данного предисловия в статье «Opus posthumum Макса Вебера»⁷. Но сама рукопись книги отсутствовала, не было и корректурных листов той части, что была подготовлена к печати автором.

Таким образом, при подготовке 4-го издания в 1956 г. возникла двойная задача. Во-первых, надлежало заново обнаружить идейное строение и

³ *Weber Marianne*. Max Weber: ein Lebensbild. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1926. S. 687 f, 709.

⁴ См. с. 67 настоящего тома.

⁵ Изменения, осуществленные самим Вебером, описаны отдельно в предисловии к 4-му изданию, которое приведено выше.

⁶ *Weber Marianne*. Max Weber: ein Lebensbild. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1926; рус. пер.: *Вебер Марианна*. Жизнь и творчество Макса Вебера. М.: РОССПЭН, 2007.

⁷ См. сноску 1 выше.

внутреннее единство большой социологии Вебера и выразить их в новом издании, сохранив при этом связь с иным подходом, реализованным ранее. Во-вторых, следовало, насколько возможно, устранить бесчисленные, иногда доходящие до полной бессмыслицы опечатки и искажения текста. И то, и другое представляло для редактора в значительной степени задачу по консервации текста. Ведь при всех исправлениях речь шла о том, чтобы наиболее точно восстановить композицию веберовских идей как важный элемент убеждающей силы его особенной социологии, а не формировать собственную сколь угодно убедительную мыслительную схему. И хотя нужно было локализовать и исправить все сомнительные места, нельзя было сомнительные или ошибочные пассажи, надлежащая форма которых не была доказана с полной очевидностью, заменять рассуждениями собственного изобретения. Трудности усугублялись тогдашним состоянием наших библиотек. Хотя редактор и использовал в свое время самые разные общие и специализированные библиотеки, очень многие необходимые работы оставались недоступными просто в силу их отсутствия. И все же сегодня можно констатировать, что если прежнее (4-е) издание и содержит ряд осторожных конъектур, лишь от немногих из них можно отказаться или принять относительно их решения другого характера.

Редактор тогда ясно понимал, что не имеет права на произвольные импровизации, и немалую часть текста приходится оставлять направленной, в том виде, в каком она находится. Это относилось прежде всего к главам 1 и 7, а также к социологической «типологии городов», представленной во второй части нового издания. Оставалось лишь в предисловии к этому (4-му) изданию выразить надежду на то, что в один прекрасный день рукопись «Хозяйства и общества» будет обнаружена.

Это желание не осталось совсем неудовлетворенным, так что по ряду причин браться за новую переработку и улучшение труда пришлось уже в совершенно иных обстоятельствах.

Прежде всего, событием основополагающего значения стало обнаружение рукописей глав 1 и 7 второй части «Хозяйства и общества», что позволило не только восстановить их аутентичный текст, но и получить точное представление о способе работы автора и степени обработки им литературы. Тем временем «Социология права» и «Социология государства» Макса Вебера дважды вышли отдельными изданиями⁸.

Работа над текстом создавала предпосылки для успеха зарубежных переводов. Особое место среди них занимает американский перевод. На протяжении более чем четырехлетнего тесного сотрудничества с американскими переводчиками удалось существенно продвинуть вперед проверку текста и получить новые сведения о литературе, что пошло на пользу не

⁸ См.: *Weber Max. Staatssoziologie. 2. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1966; Weber Max. Rechtssoziologie. 2. Aufl. Berlin: Luchterhand, 1967.*

только американскому, но и немецкому изданию. Хочу еще раз сердечно поблагодарить г-на профессора, д-ра Гюнтера Рота и магистра Клауса Виттиха за бесчисленные вопросы, поправки, добавления и помощь при обработке текста и поиске литературы. Без этого многие проблемы, с которыми столкнулась критика текста, остались бы нерешенными. Постоянная проработка текста для нового немецкого издания привела, кроме того, к многочисленным дополнительным исправлениям. Можно, вероятно, высказать не столь уж неоправданную надежду, что представленный здесь вариант текста способен выдержать критическое рассмотрение, однако это, конечно, не исключает возможности возникновения вопросов, может быть, и совершенно новых. Пока некоторые части рукописи отсутствуют, задача правильного прочтения текста не может быть решена окончательно.

Также пришлось расширить перечень исправлений. Напротив, от приложения, содержавшего написанную Максом Вебером социологию музыки, решено было отказаться, ибо издательство предпочло выпустить в свет эту важную работу отдельно, вверив ее редактирование специалистам. Ради большей наглядности указатель был разделен на именной и предметный; оба были расширены за счет многочисленных новых предметных рубрик и переработаны с учетом особенностей нового издания.

Следуя советам редакторов и издателей американского перевода, автор предисловия с согласия г-на издателя решился на существенное расширение объема примечаний, имеющих характер критики текста. В 4-м издании они должны были (за исключением разъяснения некоторых понятий и ссылок на другие места работы) обосновывать факты вмешательства или, наоборот, невмешательства в текст. Я понял, что этого недостаточно, и нужно при помощи пояснительного аппарата решать более широкие задачи. Примечания, имеющие характер критики текста, служат трем целям, в то же время ими и ограничиваясь:

1) концептуальному разъяснению текста и обоснованию исправления или, наоборот, оставлению в неприкосновенности частей текста, вызывающих сомнение;

2) указанию на другие места в трудах Макса Вебера, чтобы продемонстрировать их внутреннюю взаимосвязь;

3) уточнению литературы, на которую имеются ссылки в тексте настоящей работы, а также литературы, на которую текст опирается в содержательном смысле.

При этом, когда речь идет о содержательной стороне дела, прежде всего учитываются названия и издания, находившиеся в распоряжении самого Вебера, тогда как для чистого объяснения понятий и фактов, а также для дальнейшего развития проблем привлекается и новая литература. Ясно, что обнаружение исходной литературы, использованной Максом Вебером при разработке своих идей, является преимущественно задачей немецкой науки, с которой ей тем легче справиться, чем быстрее пополняются фонды библиотек и развивается переиздание.

II

Основная композиционная идея перепечатанной без изменений, разделенной на пять глав, но остающейся неполной *первой* части весьма прозрачна. Нельзя исключить, однако, что эта часть должна была состоять из шести глав, если предположить, что Макс Вебер посвятил еще одну главу (помимо общей религиозно-социологической типологии запланированной главы 5) классификационной схематике намеченного им разъяснения форм религиозных общностей. Суммируя и не впадая в противоречие, можно сказать, что первая часть представляет собой восхождение от *minima socialia*, т.е. от социологически релевантного поведения и действия индивида как «идеально-типического пограничного случая» теории к социальным отношениям, к (не имеющим «союзной» формы) совместным социальным действиям лиц, объединений и групп и, наконец, к социальным союзам, заканчивающееся анализом категорий политического союза, типичного для него сегодня территориального господства и современного государства как учреждения. Рассматриваются широкие комплексы обобществления: хозяйство и господство, затем особые слои, группы и союзы (классы и сословия), что завершается итоговой характеристикой типов общностей и обобществлений в главе 5. Но, как сказано выше, нельзя исключить, что Макс Вебер мог посвятить формам религиозных общностей и обобществления отдельную главу 6.

Нужно отметить, что Макс Вебер считал особенно важной близость своей социологии к *minima socialia* — подразумеваемому *in concreto* смыслу социального действия одного или многих людей и добровольным социальным ассоциациям. Это особенно проявляется в глубоком интересе к сектам, говоря о которых Макс Вебер постоянно подчеркивал, что свойственные сектам связи, конфликты и формы сосуществования индивидов представляют собой, по меньшей мере, в принципе, исходный тип всех современных видов человеческого обобществления (особенно союзов и объединений), в силу чего именно на примере сект лучше всего изучать сущность последних⁹, и что, кроме того, секта явилась «в ходе становления Нового времени [прямым] архетипом тех общественных групповых структур, которые сегодня формируют “общественное мнение”, “культурные ценности” и “индивидуальности”»¹⁰. Поэтому группы (в широком смысле) как долговременные структуры социальных связей и отношений были для него исходным пунктом и первичным опытным объектом любого социологического анализа и теории.

⁹ Archiv f. Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik. Bd. XXXI. 1910. S. 587; Weber Max. Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1924. S. 442; Weber Max. Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Religionssoziologie. Bd. I. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1922. S. 217.

¹⁰ Archiv f. Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik. Bd. XXX. 1910. S. 202.

Что касается смыслового построения второй части, то порядок рукописи, восстановленный в соответствии с наброском плана, сделанным самим Вебером, даже чисто *формально* подтверждается тем, что отдельные разделы теперь примыкают друг к другу и соединяются по смыслу без всякого усилия. Расположение отдельных глав и разделов относительно друг друга (а также связывающих их элементов в заключении одной главы и в начале следующей) со всей очевидностью выражает смысловую связь целого и в то же время важную в дидактическом отношении последовательность идей, когда, с одной стороны, последующие рассуждения всякий раз предполагают по смыслу предыдущие, а с другой — указания в тексте, обращенные вперед и назад — за немногими, очень редкими исключениями, — находят в нем действительное соответствие. При этом названия глав «Социология религии», «Социология права», «Социология господства» и «Социология государства» были со всей определенностью и именно в такой формулировке заявлены Максом Вебером в его последней завершенной рукописи «Хозяйства и общества» и тем самым легитимированы.

Кроме того, обнаружение имманентной композиционной идеи делает понятным смысл излагаемого материала и в *содержательном* отношении. Далее я повторю то, что уже говорил раньше в ответ на критику¹¹. Предметные анализ и изложение во второй части начинаются с двух аналитических разработок общего характера, вытекающих из специфической методики Макса Вебера. С одной стороны, они касаются отношения социологического эмпирического подхода к юридическому или иному нормативному подходу, а также предметных сфер каждого из них. По существу, речь идет о принципиальном отношении между хозяйством и общественными порядками. С другой стороны, здесь обсуждаются в самом общем виде фактические отношения хозяйства и общества, их взаимозависимость и воздействие друг на друга. Обе эти главы — 1 и 2 — обеспечивают, таким образом, переход от первой части, где, по словам самого Вебера, рассматриваются «наиболее общие категории общественной науки», ко второй части с ее конкретно-эмпирическим анализом особых общественных форм, упорядоченных согласно их специфическим смысловым связям. Внимательное рассмотрение рукописи главы 1 (второй части) показывает, что она и в самом деле мыслилась в качестве первой, свидетельством чему — большая римская цифра I, вписанная рукой самого Вебера¹².

Дальнейшее изложение, начиная с главы 3, разворачивается как анализ самой узкой и специальной формы общности — семьи (домашней общности) и восходит ко все более широким формам общностей (смысловым об-

¹¹ *Winckelmann J.* Max Webers große Soziologie // Archiv f. d. Rechts- und Sozialphilosophie. Bd. XLIII. 1957. S. 117–124.

¹² Подробнее в моем предисловии ко 2-му изданию «Социологии права» Макса Вебера (см. сноску 15 в настоящем предисловии).

ластям) — роду, соседскому союзу, военной и экономической общностям и союзу общностей. Затем следуют — по мере расширения от главы к главе объема рассматриваемых общностей — этнические общности (гл. 4), а именно племя и народ, а далее все названные союзы рассматриваются в их отношении к культовой и политической общностям. Сюда непосредственно примыкают типы религиозных общностей (гл. 5), в виде универсальных религий стремящиеся заключить в себе все другие виды общностей.

Идущее вслед за этим рассмотрение рыночного обобществления в незавершенной главе 6 открывается недвусмысленным заявлением о том, что в основе всех рассмотренных выше форм общности лежит всегда разная по степени, но и всегда *частичная* рационализация их смысловых структур, тогда как рынок фактически представляет собой полную рационализацию обобществлений, конституирующих его в каждом отдельном случае, более того, их архетип. Поясняя содержание этой главы, Вебер замечает, что, поскольку рассмотрение процессов на рынке есть важная часть социальной экономики, анализ специфического механизма рынка и ценообразования (в первой части Макс Вебер упоминает о ситуации ценовой борьбы) не является в этом месте необходимым. Если учесть, что позднее Вебер добавил к первой части детально классифицированную экономическую *социологию*, станет ясно, что краткое и незавершенное рассмотрение рыночного обобществления находит здесь свое классификационное соответствие, и против его оставления на месте, предусмотренном для него самим Вебером, нечего возразить. К тому же с систематической точки зрения глава имеет здесь свой структурный *tópos*. Если в предыдущих главах заходила речь об отношениях с политическими общностями, то здесь не только повторяется то же самое в связи с рыночным обобществлением, но и (в последнем предложении главы, посвященной рынку) прямо указано на отношение к политической общности. В то же время разъясняется конкретная связь рынка и его специфической рыночной *законности* с правовым порядком и правовым сообществом.

Именно ввиду наличия этих тесных отношений Макс Вебер первоначально планировал рассмотреть политические общности, а также общественную обусловленность и общественное влияние права в особой главе под названием «Политический союз». Фактически же он еще на раннем этапе отказался от этой мысли и решил изложить социологию права отдельно, саму по себе, как она и была обнаружена в его наследии (гл. 7). Это один из тех редких случаев, когда Макс Вебер отошел от эскиза своего плана, что доказано наличием его собственной рукописи. В результате остальные темы планировавшейся главы 7 были сведены в самостоятельную (8-ю) главу «Политические общности», что соответствует смысловой связи этих понятий и в то же время позволяет описать распределение власти между группами (классами, сословиями, партиями) *внутри* политических общностей. Близость права к рынку и хозяйству, с одной стороны, тесные отно-

шения между становлением политических общностей и выработкой форм господства — с другой, и, наконец, структурный момент, заключающийся в том, что правовая общность обычно является (или может являться) менее широкой, чем политическая, а последняя, в свою очередь, менее обширна, чем господство, — все это привело к такой диспозиции: рынок — право — политическая общность — господство. Последние три главы (7–9) являются в целом наиболее глубоко и детально разработанными во всей книге, и трудно ошибиться, предположив, что работа над ними была особенно интересна Веберу.

Так обнаруживается имманентный порядок концепции, и сама структура развертывания идей оказывается, несомненно, элементом доказательной силы книги. Нарушить или разрушить эту структуру нельзя, не затруднив понимание целого.

Таким образом, организация текста большой социологии Макса Вебера в ее аутентичной форме обнаруживает в качестве своего композиционного элемента нарастание объема общественных действий, отношений и организационных форм, а тем самым и важных в социологическом отношении *смысловых* сфер. Поэтому очевидно, что как с исторической, так и с систематической точки зрения анализ и изображение последней на данный момент в определенных отношениях крайне рационализированной формы господства, а именно рационально организованного государства, должны венчать всю социологическую конструкцию. Эта идея раскрывается в самой организации текста обширной главы о господстве, начинающейся с анализа бюрократического господства, которое недвусмысленно и обоснованно полагается в качестве цели изложения, и переходящей поочередно от одного предмета к другому, причем каждый раздел логически вытекает из предыдущего, о чем безупречно свидетельствуют начальные и заключительные фрагменты разделов. Историческое рассмотрение также постепенно подводит к новейшему особенному учрежденческо-государственному и одновременно рационально-легальному этапу, последовавшему за концом абсолютистского патримониального государства. Неоспоримо, что в основе работы лежит тщательно сбалансированная систематически и исторически последовательная структурная идея, от которой нельзя отказываться. Наоборот, она как нельзя более способствует убедительности изложения и тем самым делает книгу легко читаемой.

Особо следует сказать о размещении раздела, посвященного южно- и североевропейскому *городу*. В разных работах Вебер показывает его уникальное качество как особенной политической единицы, а именно автономного политического союза¹³. Специфика развития западных городов

¹³ См.: *Weber Max. Wirtschaftsgeschichte. Abriß der universalen Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 3. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1958. S. 273 ff.* (рус. пер.: *Вебер Макс. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории / под ред. И.М. Грев-*

по сравнению с остальными городскими образованиями состоит в особом политическом характере европейского города, представляющего собой автономную «общину» с собственными особыми политическими правами¹⁴. Поэтому типология городов размещена (в полном соответствии с планом самого Макса Вебера) в главе о социологии господства, причем на предназначенном ей месте, поскольку по причинам систематического характера город, являющийся революционным союзом, должен стоять после форм легитимного господства, а по историческим соображениям — перед рационально организованным государством в качестве предшественника последнего.

Поскольку созданная перед Первой мировой войной рукопись «Хозяйство и общественные порядки и силы» осталась незавершенной из-за ранней смерти Макса Вебера, и разделы, посвященные тогдашним государству и политическим партиям, в ней отсутствуют, в интересах как студентов, так и исследователей этого общего очерка, написанного Вебером в сознательно дидактических целях, отсутствующая часть (социология государства) была, по крайней мере, частично заменена фрагментами трех печатных работ Вебера на эту тему. Систематизации использованных нами отрывков служил не только эскиз собственного веберовского плана, но и надиктованная им последовательность тем его последней, оставшейся незавершенной лекции по социологии государства. При этом следовало истолковать избранные фрагменты в их идейно-систематическом отношении к работе в целом и разъяснить их несомненное «типологическое место». Не только в обоих предисловиях к новым изданиям (1956, 1972 гг.) и в комментариях к тексту, но и в примечании редактора в самом начале этого дополнительного раздела со всей определенностью сказано, что материал этот в данной его форме не принадлежит перу самого Макса Вебера. Поскольку Вебер неоднократно писал, что рациональная организация управления с ее рациональными управленческими принципами была перенята территориальными государствами у самостоятельных политических союзов, каковыми являлись автономные города, рассуждения о социологии современного государства с систематической точки зрения по праву следуют за разделом, посвященным типологии городов. В этот раздел о государстве включены только те высказывания Макса Вебера, которые в качестве учебного материала непротиворечиво вписываются в рамки социологии господства. При отборе соответствующих текстов, в отличие от подхода при работе с остальными материалами «Хозяйства и общества», приходилось следить, чтобы

са. Пг.: Наука и школа, 1923; *Вебер Макс*. История хозяйства. Город. М.: Канон-Пресс, 2001); *Weber Max*. Gesammelte politische Schriften. 3. Aufl. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1971. S. 508, 513 (рус. пер.: *Вебер Макс*. Политические работы. М.: Праксис, 2003).

¹⁴ См.: *Weber Max*. Ges. Aufsätze zur Religionssoziologie. Bd. 1. S. 291.

стиль высказываний соответствовал стилю остальных частей, уместному в научной работе или в очерке, написанном для учебных целей, а не в политическом памфлете. Иной подход был бы недопустим ввиду собственных строгих требований Макса Вебера, касающихся свободы от оценивания и нейтрального характера научной социологии. Полные оригинальные тексты работ, из которых производился отбор и чье содержание отнюдь не исчерпывается отобранными фрагментами, доступны в напечатанном виде и могут быть использованы как дополнительное чтение. Частичным включением в «Социологию господства», предпринятым ради обеспечения наглядности¹⁵, вовсе не отрицается их самостоятельная роль и значимость.

III

Перейдем теперь к краткому освещению методического значения категории «субъективно подразумеваемый смысл» и места теории социального действия в социологии Макса Вебера¹⁶. В целом его взгляд противостоит теоретическому воззрению, согласно которому субъективно подразумеваемый смысл каждого из действующих лиц не способствует формированию реальных связей, и только объективный функциональный смысл поддающихся эмпирической констатации процессов и институтов должен интересовать исследователей. Наоборот, считает Макс Вебер, социальное действие всегда лежит в основе возникновения или существования социологически релевантных явлений, и доступ к человеческим действиям, если такая цель возникает, можно получить только через человеческое намерение.

В его социологии проводится четкое различие между объективным значимым смыслом (смысловых систем и конкретных смысловых артефактов) и субъективным интенциональным смыслом¹⁷. Кроме того, можно, согласившись с Александром фон Шельтингом¹⁸, выделить в качестве частного случая каузальный смысл, на том же самом методическом уровне соответ-

¹⁵ Более обстоятельное обоснование дают мои «Введение» и примечания к отдельному изданию «Социологии государства» Макса Вебера. См.: *Weber Max. Staatssoziologie. Soziologie der rationalen Staatsanstalt und der modernen politischen Parteien und Parlamente. 2. Aufl. 1966.*

¹⁶ Подробное исследование этой проблемы см.: *Girndt H. Das soziale Handeln als Grundkategorie erfahrungswissenschaftlicher Soziologie. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1967.*

¹⁷ *Winckelmann J. Max Webers Verständnis von Mensch und Gesellschaft // Gedächtnisschrift der Universität München zur 100. Wiederkehr von Max Webers Geburtstag. Berlin: Duncker & Humblot, 1964 [1966]. S. 223 ff.*

¹⁸ *Schelling A. von. Die logische Theorie der historischen Kulturwissenschaft von Max Weber und im besonderen sein Begriff des Idealtypus // Archiv f. Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik. Bd. IL. 1922. S. 686 ff.*

ствующий объективно-функциональному смыслу, тем более что в области количественно-теоретического метода терминология причин и следствий может оказаться неподходящей для формулирования функциональных соотношений между порядками величин. В таком случае «на место высказываний о соотношениях между причиной и следствием должны прийти... высказывания о функциональных соотношениях между величинами, поддающимися точному измерению, т.е. высказывания, облаченные в математические одежды»¹⁹.

«Субъективно подразумеваемый» смысл отдельного социального действия в качестве пограничного дефиниторного понятия не есть единичный смысл, наоборот, в нем по большей части совпадают субъективный и функциональный смыслы. Кроме того, ориентация действия с необходимостью включает ожидаемый смысл поведения потенциального участника или потенциальных участников. Любое социальное действие по определению ориентируется на объективную ситуацию и ее действительные взаимосвязи, что до известной степени верно даже по отношению к иррациональному действию, тогда как традиционное действие, вообще, состоит в постоянном приспособлении к данному и унаследованному в силу традиции. Макс Вебер не устает подчеркивать эту постоянную ситуационную ориентацию на объективно понимаемое положение вещей, на изначальную *соотнесенность* с ценностями, равно как с фактами и способами функционирования, объективными стечениями обстоятельств и адекватными средствами реагирования на них в соответствии с имеющимися целевыми установками *наряду* с постоянной ориентацией на актуальное или возможное поведение других участников. Индивидуальное действие и конкретный смысл с самого начала питаются объективными смысловыми содержаниями и соотношениями, и, кроме того, исходная интенциональная организация по мере своей реализации адаптируется к социальному процессу, т.е. имеет место обобществление индивида, его намерений и действий. Во взаимодействии или в конфликте одного или нескольких действующих лиц неизбежно совершаются изменения и сплавления смыслов. Сущность социализации и любого ее аспекта состоит в том, что индивид, его намерения и действия вплетаются в совокупность общественных обстоятельств и перманентного процесса обобществления. Без этого не было бы специфической проблемы социологии, состоящей в том, что результат взаимодействия обнаруживает большей частью измененный, в известной степени социализированный смысл, а не тот смысл, который изначальное вкладывали участники в свое совместное действие. И восходящие от отдельного субъекта социального действия все более широкие сферы смысла ведут по сравнению с исходной ситуацией к постоянно усиливающейся трансформации смысла и резуль-

¹⁹ Stegmüller W. Das Problem der Kausalität // Topitsch E. von. (Hrsg.) Probleme der Wissenschaftstheorie. Festschrift f. Victor Kraft. Wien: Springer, 1960. S. 182.

татов действия, а это означает, что каждый отдельный действующий участвует в формировании объективного функционального смысла отношений и институтов, с которыми он имеет дело, и все более вбирает их в себя ценой собственного активного в них участия.

Каждый социально ориентированный действующий субъект оказывается включенным в комплексы, в составе которых (1) объективная исходная ситуация (в том числе ожидаемое поведение других), (2) причинные взаимоотношения между целью, средством и побочным результатом, (3) объективное функциональное содержание рассматриваемого отношения или смыслового образования. Картина усложняется (4) фактом *придания* социальному образованию как интенционального, так и функционального смысла обобществленными индивидами всякий раз заново, причем представление о *цели*, разделяемое более или менее значительным меньшинством участников, может элиминироваться путем заключения договоров или использования большинством своего преимущества, а также, наконец, (5) фактами *изменения* значения и функции, порождающими иное положение вещей, побуждающее участников к новым способам взаимодействия с реальностью. Это часто непреднамеренное расхождение *интенциональной* целевой установки и *результатирующей* функции социального образования или социального института, проявляющееся как изменение социального значения или как фактическое изменение определяющих социальных обстоятельств (*social change*), представляет собой частое эмпирически наблюдаемое явление. Следовательно, процесс обобществления означает комплексное включение индивида, его намерений и взаимодействий в более крупные общественные контексты и связи, и происходит это или посредством поощрения его интереса (в силу определенного положения и вытекающих отсюда интересов либо в силу привычки), или посредством осуществления власти, т.е. принудительно. Приспособление к общественным представлениям, институтам и силам может, таким образом, вполне соответствовать собственным интересам индивида и быть средством достижения целей его деятельности.

Вот как сам Макс Вебер показывает контексты расширения смыслового содержания и в то же время смысловой области путем ориентации на функциональный смысл: деньги как социальный институт представляют собой объективную смысловую систему, а обобществление посредством денежного хозяйства является равным образом субъективной областью смысла и системой функциональных отношений, т.е. комплексом взаимоотношений между целью, средством и побочным результатом. Следовательно, здесь, коль скоро речь идет о субъективно подразумеваемом смысле, субъективный и объективный факторы совпадают как в объективно-чувственной, так и в субъективно-интенциональной ориентации. Эта ориентация осуществляется не только на основе смысловой системы (деньги) и конкретного положения, с которым сталкивается действующий, не только отдель-

ным партнером в денежно-хозяйственных отношениях и в субъективно-интенциональной целевой установке собственного действия, но и на основе денежной функциональной связи и того, что она может дать.

Так проявляется иерархия осмысленности общественных процессов, связей и закономерностей: самая нижняя мыслительная «ступенька» — это намерение действия индивида, затем следует смысловая структура внутри социальных отношений с ее внутренней сбалансированностью. Над нею находятся целевые установки сообществ (слабее или сильнее структурированных) более высокого порядка, основанных на согласии, или объединений (организованных), перед которыми стоят специфические цели, соответствующие их уставам. Изменения целей могут произойти и в них вследствие изменения направленности организации, причем как без эксплицитного одобрения, так и в результате принятия членами союза решения, прямо или косвенно одобряющего происходящее. Но уже формулирование представления о целях при основании союзов социальной направленности с их закрепленным в уставе назначением ведет к возникновению *надьиндивидуального* смысла. Изменить назначение можно, изменив устав, приняв решение о смене деятельности неуставного по смыслу органа, или путем «переворота», т.е. путем замены членов органа, не отвечающих уставным требованиям, другой командой. Эта замена происходит согласно уставным принципам. Следовательно, в данном случае интерпретация смысла осуществляется самими членами союза. Для союзов господства на основе статутных порядков характерны целевые установки, навязываемые союзам штабами управления при согласии большинства. Большинство, в свою очередь, при нынешних формах союзной демократии складывается из союзов с такими же союзными структурами, как показал Макс Вебер прежде всего на примере США. «Перевороты», не выходящие за пределы демократических «правил игры», заключаются в «смене караула», происходящей законным путем. Сказанному не противоречит тот факт, что могут существовать и существуют незаконные перевороты.

По мере включения в социальные отношения, особенно в постоянные взаимодействия и уж тем более в организационные отношения на основе союза, субъективно преследуемые цели большей частью отступают на задний план, если индивиду не удастся превратить эти цели в *volonté de tous* (волю всех — фр.), ибо он оказывается в меньшинстве. Это происходит в растущих и совершенствующихся территориальных корпорациях, где, правда, одновременно растет и пространство для проявления намерений и интересов, не связанных рамками союза, что может в крайнем случае привести к смене или формированию иной *volonté de tous*. Наоборот, *volonté générale* (общая воля — фр.) может представлять собой объективный функциональный смысл деятельности союза, который также, как мы видели, способен подпасть под воздействие *volonté de tous* и быть как измененным, так и поглощенным последним, причем при свободных и демократических

формах союзов и господства *volonté de tous* формируется простым или квалифицированным большинством.

Так что ясно, что Макс Вебер не дает социальной *действительности* раствориться в чем-то вроде ориентации действия, нельзя его также упрекнуть в том, что он недопустимо абсолютизирует процесс, являющийся *частью* социального действия. И уж тем более он не воспринимает социальное действие на солипсистский манер, подобно А. Бергсону, заявлявшему, что нет вещей, а есть только действия²⁰. Вебер лишь решительно выступает против гипостазирования «само» — рефлектирующих и действующих коллективных личностей. При этом он целиком поддерживает энергичное суждение Канта, считавшего, несмотря на все «революции в мышлении», что отрицание объективной реальности внешнего мира — это «скандал» по отношению к философии и человеческому разуму²¹. Именно Макс Вебер постоянно говорит, что эмпирические дисциплины, «предметом которых являются реальные отношения между их объектами», не могут действовать иначе, чем на основе «наивного реализма», «лишь в разных формах в зависимости от качественного характера объекта»²².

Социальному действию неизбежно противостоит многообразный объективный предметный мир. Действие всегда, как подчеркивает Макс Вебер, соотнесено с «объективной ситуацией», т.е. с конкретно данным сочетанием обстоятельств, и осуществляется на этой основе. При этом действие и ситуация не противостоят друг другу прямо, а всегда опосредованы *in actu* (в акте, в действии — лат.) субъективной ориентацией действующего на ситуацию, его ожиданиями, причинной связью целей и средств, субъективно предшествующей (как и объективно последующей) *возможностью*, а также статистической вероятностью предполагаемого *результата*²³. Благодаря влиянию этих факторов объективная ситуация *благоприятствует* (в случае *целевой рациональности*) выбору определенного направления (или определенных направлений) действия. Именно на изучение этих условий направлен интерес опытных наук, и именно они создают основу познания эмпирических закономерностей и истин.

Следовательно, действия участников постоянно ориентированы на «ожидаемый» ход процессов и не могут воплотиться в реальность без конкретного восприятия обстоятельств и процессов, а также без перспективного осмысления собственных целеполаганий. Прошлое и будущее *по-*

²⁰ См.: Bergson H. Matière et mémoire (1896); немецкий перевод впервые: 1908 г.

²¹ Kant I. Vorrede zur 2. Aufl. Der Kritik der reinen Vernunft (1787). Anm. zu S. XXXIX–XL (см. также: Кант И. Предисловие ко 2-му изданию «Критики чистого разума» // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 101).

²² Weber Max. Wissenschaftslehre. 3. Aufl. S. 437.

²³ Сравните в данной связи разъясняющее примечание Т. Парсонса в кн.: Weber Max. Economy and Society. Vol. 1. New York: The Free Press of Glencoe, 1968. P. 50 (Note 13).

знание этих процессов и закономерностей на уровне обыденного действия создает первичный опыт; в научной сфере это сначала облагороженный в методическом отношении опыт и затем математически сформулированное знание. Именно наукам, изучающим действие, и надлежит констатировать, какова в этих процессах и закономерностях *доля* человеческого действия (и насколько мы в состоянии ее увидеть) и как она складывается. Об этих (акциональных) фактах тоже можно получить номологическое знание.

Человеческие намерения, стремления и действия всегда влияют на факты и структуры общества и истории и могут их в некоторой степени определять и формировать; иначе просто никто не действовал бы. Но эти факторы являются определяющими и формообразующими именно потому, что в силу социального опыта люди понимают обстоятельства и связи действия, опираются на них, формируя свои материальные и идеальные интересы и представления о целях, которые исходят из *данного* (или предполагаемого в качестве такового) и имманентных ему (адекватных) *объективных* возможностей, чтобы затем с помощью адекватных средств достичь объективно возможного успеха в формировании реальности согласно собственным целям. При этом представления о целях у разных субъектов действия формируются по-разному в зависимости от представлений об исходной ситуации и интересов: существуют расхождения интересов, различающиеся перцепции и концепции. Разумеется, эти спонтанно возникающие образы не есть продукт чистого отражения; здесь в спекулятивной проекции вырабатываются и преследуются в практике целевые ориентации действия.

В свете этих двух основополагающих — и на первый взгляд противоречащих друг другу — тенденций действительности и нужно воспринимать также на первый взгляд противоречащие друг другу суждения Макса Вебера²⁴ о том, что интересы определяют социальные действия людей, вытекающие, в частности, из столкновений с *cruel necessities of life* (жестокой реальностью жизни — англ.), и о том, что перцепции и концепции индивидов обычно в значительной степени определяются их социальным, экономическим и политическим положением. Оба суждения с научной точки зрения как эвристические позиции представляют собой единство и описывают то множество причин, которые объясняют действие в каждом отдельном случае.

Поэтому нужно развивать номологическое знание как объективных связей, в том числе в количественно-теоретическом отображении, так и рациональных и иррациональных намерений действия, целеориентаций и смысловых процессов. Никакое понимающе-интерпретирующее усмотрение причин, определяющих человеческие социальные действия, невозможно без этой сокровищницы номологического знания, также как смысловое понимающее мотивационное познание может и должно быть

²⁴ Weber Max. Ges. Aufsätze zur Religionssoziologie. Bd. 1. S. 252.

выражено номологически. Только таким образом — путем вовлечения человека — можно обеспечить тот *superadditum* (здесь: решающее преимущество — лат.) понимающего познания по отношению к абстрактному, получение которого Макс Вебер считал особенной задачей наук о действии и человеке, к чему и стремился постоянно обратиться социологию.

Я должен сердечно поблагодарить профессора, д-ра Антона Шпиталера (Мюнхен) за транслитерацию еврейских и арабских выражений, профессоров, д-ра Вольфганга Мюллера и д-ра Юргена фон Беркенрата (оба из Мюнхена) за египтологическую информацию, профессора, д-ра Вернера Бетца (Мюнхен) за указания из области германистики и г-на Стефана Фогта (Мюнхен) за повторную сверку текста второго полутома. Кроме того, г-н Фогт взял на себя трудоемкие задачи создания отдельного именованного указателя, приведения предметного указателя в соответствие с новым изданием, а также включения в предметный указатель новых терминов. Таким образом, именно он обеспечил удобство пользования книгой. Ради экономии времени и удешевления настоящего учебного издания мы отказались от включения аппарата, посвященного критике текста.

*Йоханнес Винкельман
Мюнхен, 1972 г., февраль*

Том I

СОЦИОЛОГИЯ

ОСНОВНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

Предварительное замечание. Этот метод начального определения понятий (без него не обойтись, хотя оно и может произвести впечатление абстрактного и далекого от реальности) отнюдь не означает претензии на новизну. Наоборот, задача состоит в том, чтобы сказать о тех же самых вещах, что имеет в виду любая эмпирическая социология, только выразить это в более целесообразной и несколько более строгой форме, хотя именно от этого может возникнуть ощущение педантизма. Это относится и к случаям, когда применяются термины, которые выглядят новыми или непривычными. По сравнению со статьей в четвертом выпуске «Логоса» (1913. S. 253 ff)¹ терминология значительно изменена и по возможности упрощена, чтобы сделать ее понятнее. Но все же требование популярности не всегда совместимо со строгостью определения понятий и должно при необходимости уступать последнему.

По поводу «понимания» см. «Общую психопатологию» К. Ясперса², а также некоторые замечания Риккерта во втором издании его «Границ естественнонаучного образования понятий» и особенно Зиммеля в «Проблемах философии истории». В методическом отношении я ссылаюсь, как и раньше, на подход Ф. Готтля в его не совсем внятно написанной и не во всем продуманной работе «Господство слова», по существу же дела, прежде всего на замечательную работу Ф. Тённиса «Общность и общество», а также на вводящую в заблуждение книгу Р. Штаммлера «Хозяйство и право в материалистическом понимании истории» и мою критику в его адрес (Archiv f. Sozialwissensch. XXIV. 1907)³, где уже во многом содержатся основы того, что следует ниже. Я отступаю от метода Зиммеля в его «Социологии» и «Философии денег», различая, насколько возможно, *подразумеваемый* и *объективно значимый* смыслы, тогда как Зиммель их не только не всегда различает, но часто намеренно позволяет им перетекать друг в друга.

§ 1. Понятия социологии и смысла социального действия

Социологией (в принятом здесь смысле этого очень многозначного слова) называется наука, которая стремится, истолковывая, понимать социаль-

¹ Имеется в виду статья: *Weber Max. Über einige Kategorien der verstehenden Soziologie // Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur / Hrsg. v. R. Kroner u. G. Mehlis. Bd. IV. Heft 3. Tübingen: Mohr Siebeck, 1913. S. 253–294; рус. пер.: МВИП. С. 495–546.*

² Об авторах и книгах, упоминаемых Вебером, здесь и далее см. в библиографическом указателе.

³ Имеется в виду статья: «Stammlers “Ueberwindung” der materialistischen Geschichtsauffassung. Besprechung von Rudolf Stammlers “Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung”» // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 24. Bd. Heft 1. 1907. S. 94–151; перепечатано: GAZW. S. 291–359.

ное действие и тем самым причинно объяснять его протекание и результаты. Действием при этом называется человеческое поведение (все равно, внешнее или внутреннее, воздержание от действия или претерпевание), если и поскольку действующий или действующие связывают с ним субъективный *смысл*. Социальным же действием называется такое, которое по своему подразумеваемому действующим или действующими смыслу соотнесено с поведением *других* людей и ориентируется на него в своем протекании.

I. Методические основания

1. Смысл здесь — это либо а) фактически подразумеваемый действующим в исторически конкретном случае или усредненно и приблизительно подразумеваемый действующими в массе конкретных случаев, либо б) содержащийся в понятийно сконструированном *чистом* типе действующего или действующих субъективно *подразумеваемый* смысл. Не какой-то объективно «правильный» или метафизически обоснованный «подлинный» смысл. В этом состоит отличие эмпирических наук о действии (социологии и истории) от всех догматических наук, таких как юриспруденция, логика, этика и эстетика, стремящихся отыскать в своих объектах «правильный», «действительный» смысл.

2. Граница между осмысленным действием и просто (назовем его так) реактивным поведением, не связанным с субъективно подразумеваемым смыслом, крайне подвижна. Значительная часть всего социологически релевантного поведения, особенно чисто традиционное действие, лежит на границе между ними. Осмысленного, т.е. понимаемого, действия при некоторых психофизических процессах не наблюдается вовсе, в иных случаях оно доступно лишь экспертам-профессионалам. Мистические и потому адекватно не выражающиеся в слове процессы не поймет полностью тот, кому не доступны соответствующие переживания. Напротив, способность самостоятельно производить такое же действие не является предпосылкой понимания: «Не обязательно быть Цезарем, чтобы понять Цезаря»⁴. Полнота сопереживания важна с точки зрения очевидности понимания, но не является абсолютным условием истолкования смысла. Поддающиеся и не поддающиеся пониманию составные части одного и того же процесса часто перемешаны и связаны друг с другом.

3. Всякое понимание стремится к *очевидности*, как и вообще всякая наука. Очевидность понимания может иметь либо рациональный (и в этом случае логический или математический), либо эмпатический (основанный на сопереживании или художественной восприимчивости) характер. Рациональная очевидность налично, прежде всего когда структура подразумеваемого смысла действия целиком и полностью понимается *интеллектуально*. Эмпатическая очевидность имеет место, когда действие полностью сопереживаемо в его действительно испытанной *эмоциональной* связи. Рационально понятными, т.е. в

⁴ Это скрытая ссылка на Зиммеля, который писал: «Мы убеждены, что не надо быть Цезарем, чтобы действительно понять Цезаря, и вторым Лютером — чтобы понять Лютера» (*Simmel G. Probleme der Geschichtsphilosophie. Eine erkenntnistheoretische Studie. 2. Aufl. Leipzig: Duncker & Humblot, 1905. S. 57*). В русском переводе, сделанном с первого немецкого издания, эта фраза отсутствует.

данном случае непосредственно и однозначно интеллектуально постигаемыми в их смысловом строении, являются в огромной степени и прежде всего связи математических или логических высказываний. Мы совершенно однозначно понимаем, что имеется в виду, когда кто-то, размышляя или аргументируя, использует суждение « $2 \times 2 = 4$ » или теорему Пифагора либо «правильно» (с общепринятой точки зрения) строит цепь логических заключений. То же самое, когда на основе «общеизвестных» фактов и наличных целей делаются самоочевидные (по нашим представлениям) выводы относительно необходимых для действия средств. Всякое понимание такого рационально ориентированного целевого действия характеризуется (применительно к пониманию используемых *средств*) высшей степенью очевидности. Отнюдь не та же, хотя и достаточная для целей объяснения, очевидность проявляется при понимании таких «ошибок» (например, неправильного определения проблемы), которые свойственны нам самим или которые мы способны «сопережить» путем эмпатии. Напротив, многие *конечные* «цели» и «ценности», на которые, как показывает опыт, может быть ориентировано человеческое действие, мы часто *не можем* понять с полной очевидностью. Конечно, при определенных обстоятельствах мы могли бы понять их интеллектуально, но чем радикальнее они отличаются от наших собственных конечных ценностей, тем труднее нам с помощью воображения и вчувствования понять их в *сопереживании*. В зависимости от сложности случая нам придется либо удовлетвориться их *интеллектуальной* интерпретацией, либо, если и это не удастся, принять их просто как данность и, пользуясь ими как в некоторой степени интеллектуально постигаемыми или хотя бы приблизительно чувственно сопереживаемыми ориентирами, попытаться понять, как протекает мотивированное ими действие. Таковы деяния виртуозов веры и добродетели в глазах тех, кто не восприимчив к реальности этих сфер. Таковы же проявления крайнего рационалистического фанатизма («права человека»), с точки зрения тех, кто соответствующую позицию радикально отвергает. Реальные аффекты (страх, гнев, честолюбие, зависть, ревность, любовь, воодушевление, гордость, жажда мести, благоговение, преданность и самоотдача, влечение любого рода), как и следующие из них иррациональные (с точки зрения рационального целевого действия) реакции, мы в состоянии эмоционально сопережить, и с тем большей очевидностью, чем более мы сами им подвластны. Во всяком случае, даже если по своему накалу они неизмеримо превосходят наши возможности, мы все равно в состоянии путем вчувствования понять их смысл и интеллектуально просчитать их влияние на направление и выбор средств действия.

Для *типологизирующего* научного наблюдения все обусловленные иррациональными причинами и аффектами смысловые связи поведения, влияющие на действие, легче всего обозримы, если объяснять и отображать их как «отклонения» от чисто целерационально сконструированного хода действия. Например, при объяснении паники на бирже сначала устанавливается, как должно *было бы* выглядеть действие, будь оно строго целесообразным, не подверженным влиянию иррациональных аффектов, а затем эти иррациональные компоненты добавляются и рассматриваются как нарушающие воздействия. Точно так же в случае политической или военной акции сначала констатируется, как *протекало бы* действие при знании участниками всех обстоятельств и намере-

ний друг друга и при строго целерациональном, т.е. исходящем из значимого, с нашей точки зрения, опыта, выборе средств. Только на этой основе можно затем осуществить каузальное приписывание отклонений от этой конструкции к обуславливающим их иррациональным факторам. В таких случаях конструкция строго целерационального действия (вследствие ее очевидной понятности и объясняемой ее рациональностью однозначности) служит социологии как *тип* («идеальный тип»), позволяющий понять реальное действие, подвергнутое влиянию всякого рода иррациональных факторов (аффектов, заблуждений), как отклонение от ожидаемого при чисто рациональном поведении.

В этом отношении и только по причине методологической целесообразности метод понимающей социологии является «рационалистическим». Его конечно же надо понимать не как свойственный социологии рационалистический предрассудок, а только как методический инструмент, и при этом не толковать в смысле веры в действительное превосходство рационального в жизни. Ведь о том, в какой мере рациональные целевые соображения в реальной действительности определяют *фактические* действия, а в какой нет, здесь не говорится ни слова. (Хотя нельзя не видеть опасности рационалистических интерпретаций там, где они не к месту. Опыт показывает, что она, к сожалению, существует.)

4. Несмысловые процессы и предметы рассматриваются всеми науками о действии как поводы, или как результаты действия, или как способствующие либо препятствующие действию обстоятельства. «Несмысловые» не означает «неодушевленные» или «нечеловеческие». Каждый артефакт — например, машина — истолковывается и понимается только исходя из смысла, который человеческое действие (самой разной направленности) придало или хотело придать ему при его создании и применении; без обращения к смыслу любой артефакт остается непонятым. Понимаемое в нем, следовательно, есть отнесенность человеческого *действия* к нему как к цели или средству, которыми руководствуется действующий или действующие и на которые они ориентируют действие. *Только* в этих категориях и имеет место понимание таких объектов. Несмысловыми, напротив, остаются все — одушевленные и неодушевленные, человеческие и нечеловеческие — процессы или положения, не имеющие подразумеваемого смыслового содержания, поскольку они *не вступают* с действием в отношение средства или цели, а остаются для действия только поводом, внешним способствующим или препятствующим обстоятельством. Наводнение, в результате которого на исходе XIII в. (1277 г.) возник Долларт⁵, имело (вероятно!) историческое значение как событие, вызвавшее масштабные и исторически значимые процессы переселения. Рождение и умирание, органический круговорот жизни вообще (от беспомощности ребенка до беспомощности старика) имеют, конечно, первостепенное значение для социологии в силу того, что на них по-разному ориентировалось и ориентируется человеческое действие. Другую категорию образуют не поддающиеся пониманию суждения опыта, касающиеся протекания психических или психофизиологических процессов (усталость, привыкание, память и т.д., а также типичные эйфории при определенных формах умерщвления плоти, типичные различия реакций по

⁵ См. глоссарий.

скорости, характеру, однозначности и т.д.). В конечном счете, здесь видится та же ситуация, что и с остальными не поддающимися пониманию данностями: как практические деятели, так и понимающее наблюдение воспринимают их как данное, с которым надо считаться.

Не исключено, что будущие исследования обнаружат недоступные пониманию закономерности и в поведении, которое здесь определено как смысловое, хотя до сих пор этого и не случилось. С различиями биологической наследственности (расами), если бы появились статистически убедительные данные об их влиянии на социологически релевантное поведение, особенно на социальное действие в его *смысловой* связи, социологам оставалось бы смириться как с данностью точно так же, как с физиологическими фактами вроде потребности в пище или влияния старения на поведение. И признание их каузального значения, конечно, нисколько не изменило бы задач социологии (и, вообще, наук о действии): истолковывая, понимать осмысленно ориентированные действия. Социология включила бы в свои интерпретивно понимаемые мотивационные связи в определенных точках факты, не являющиеся предметом понимания (например, типичные отношения частоты определенного типа действия либо степени его типичной рациональности к черепному индексу, или к цвету кожи, или к любым другим физиологическим наследственным свойствам), что, впрочем, имеет место уже сегодня.

5. *Понимание* может 1) означать *актуальное* понимание подразумеваемого смысла действия, в том числе высказывания. Мы, например, актуально понимаем смысл суждения « $2 \times 2 = 4$ », когда его слышим или читаем (рациональное актуальное понимание мыслей), или взрыв гнева, проявляющийся в мимике, междометиях, беспорядочных движениях (иррациональное актуальное понимание аффектов), или поведение человека, колющего дрова либо тянущегося к дверной ручке, чтобы закрыть дверь, или охотника, который целится в зверя (рациональное прямое понимание действий). Понимание также может быть 2) *объясняющим*. Мы понимаем *мотивационно*, какой смысл связывает с суждением « $2 \times 2 = 4$ » тот, кто его высказывает или записывает, почему он *делает* это именно сейчас и именно в данной связи, если видим, что он занят коммерческим расчетом, доказательством теоремы либо техническим вычислением или любым другим делом, к которому это суждение и «относится» в соответствии с его, этого действия, понятным для нас *смыслом*, т.е. если оно оказывается в понятной нам *смысловой связи* (рациональное мотивационное понимание). Мы понимаем колку дров или нацеливание ружья не только актуально, но и мотивационно, когда знаем, что работник колет дрова за плату, или для собственных нужд, или ради активного отдыха (рационально) или, к примеру, чтобы отойти от злости (иррационально), а тот, кто целится из ружья, следует приказу, готовясь расстрелять осужденного или сразить врага (рационально), или мстит (аффективно, т.е. в этом смысле иррационально). Мы, наконец, мотивационно понимаем гнев, если знаем, что его причиной являются ревность, уязвленное тщеславие или оскорбленное достоинство (т.е. он обусловлен аффективно, или иррационально в мотивационном отношении). Все это — понимаемые смысловые связи, понимание которых мы считаем объяснением реального хода действия. *Объяснение*, следовательно, для науки, занимающейся смыслом действия, означает обнаружение смысловой *связи*, к которой в соот-

ветствии с его субъективно подразумеваемым смыслом принадлежит актуально понимаемое действие. (О каузальном значении этого объяснения см. далее, п. 6.) Во всех этих случаях, даже в аффективных процессах, мы называем субъективный смысл явления, в том числе смысловой связи, «подразумеваемым» смыслом, выходя при этом за рамки обычного словоупотребления, где этот термин применяется только по отношению к рационально и целесообразно ориентированному действию.

6. *Понимание* означает во всех этих случаях истолковывающее постижение одного из следующих видов смысла или смысловой связи: а) действительно подразумеваемого смысла действия, имеющего место в данном конкретном случае (применяется в историческом рассмотрении), или б) смысла, подразумеваемого усредненно или в приближении к действительно подразумеваемому смыслу (при массовом социологическом рассмотрении), или с) смысла либо смысловой связи, который или которая научно конструируется для *чистого* (идеального) типа часто встречающегося явления. Такими идеальнотипическими конструкциями являются, например, понятия и «законы» чистой народно-хозяйственной теории. Они показывают, как *протекало бы* человеческое действие определенного характера, *если бы* оно развивалось строго целерационально без ошибок и аффектов и *было* совершенно однозначно ориентировано на одну-единственную цель (хозяйство). Реальное действие только в редких случаях (биржа), да и то лишь приблизительно, соответствует тому, как оно сконструировано в идеальном типе. О цели таких конструкций см. в моем эссе (Archiv f. Sozialwiss. XIX, S.64 ff)⁶ и ниже, в п. 11.

Каждое толкование стремится, конечно, к очевидности. Но сколь бы очевидным по смыслу оно ни было, оно не может так таковое и лишь в силу этой очевидности претендовать на то, чтобы считаться каузально обоснованным истолкованием. Само по себе оно всегда лишь особенно ясная каузальная *гипотеза*. Во-первых, выдвигаемые самим действующим на передний план, а также и «вытесненные» (т.е. те, в которых он не признается самому себе) мотивы часто затемняют для самого действующего подлинную смысловую структуру организации действия, так что даже его субъективно искреннее свидетельство имеет лишь относительную ценность. В этом случае перед социологией возникает задача путем истолкования отыскать и зафиксировать эту структуру, *даже если* она не была или не полностью была в *сознании*, как подразумеваемая *in concreto*. Это пограничный случай смысловой интерпретации.

Во-вторых, процессы действия, внешне одинаковые или похожие, могут базироваться на разных смысловых связях, которыми руководствуется действующий (или действующие), и мы «понимаем» даже очень сильно отличающиеся, иногда вовсе противоположные по смыслу действия в ситуациях, которые считаем схожими друг с другом (см. примеры у Зиммеля в «Проблемах философии истории»).

В-третьих, в конкретных ситуациях люди часто подвергаются воздействию противоположных, борющихся друг с другом стремлений, которые понятны

⁶ Ссылка в тексте принадлежит Веберу. Имеется в виду статья: Die "Objektivität" sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 19. Bd. Heft 1. 1904. S. 22–87; рус. пер.: МВИП. С. 345–415.

нам в совокупности. Но с какой относительной *силой* выражаются в действии эти проявляющиеся в борьбе мотивов и нам *равно* понятные смысловые отношения, часто нельзя оценить даже приблизительно и почти никогда — с уверенностью. Ясность вносит только фактический исход борьбы мотивов. Значит, контроль понимающего истолкования смысла по результату, т.е. по исходу действительного процесса, неизбежен, как и в случае любой другой гипотезы. Но с относительной точностью его можно обеспечить, к сожалению, лишь в немногих и очень специфических ситуациях психологического эксперимента, а также (с разной степенью приближения) в столь же немногих случаях считааемых и поддающихся однозначному приписыванию массовых явлений в статистике. Помимо этого, существует лишь возможность сравнения как можно большего числа процессов исторической или повседневной жизни, которые, как правило, одинаковы, но в *одном* решающем пункте различны, а именно в мотиве или основании, рассмотренном с точки зрения его практической значимости. Это важная задача сравнительной социологии. Но часто нам остается, к сожалению, лишь ненадежное орудие мысленного эксперимента, т.е. *домысливания* отдельных звеньев цепочки мотивов и конструирования становящегося *теперь* вероятным процесса для того, чтобы произвести каузальное приписывание.

Например, так называемый закон Грешема⁷ представляет собой рационально очевидное истолкование человеческого поведения в данных обстоятельствах и при идеально-типическом условии чисто целерационального действия. Насколько *фактическое* поведение ему соответствует, может сказать только опыт (в конечном счете, в принципе, выразимый статистически), свидетельствующий о фактах исчезновения из обращения видов монет, слишком низко оцениваемых в денежной системе, и тем самым демонстрирующий высокую значимость этого закона. Действительный ход познания был таков: *сначала* появлялись опытные наблюдения, затем формулировалось истолкование. Без удачной интерпретации наша каузальная потребность оставалась бы явно неудовлетворенной. В то же время без демонстрации того, что эта признанная нами адекватной интерпретация хотя бы в какой-то степени соответствует тому, что происходит на самом деле, даже такой сам по себе очевидный «закон» был бы конструкцией, бесполезной для познания реального действия. В этом примере совпадение смысловой адекватности и результата опытной проверки вполне убедительно, а количество случаев достаточно велико, чтобы считать результат обоснованным. Но, например, Эдуард Майер выдвинул глубокую и вполне приемлемую по смыслу гипотезу о влиянии битв при Марафоне, Саламине и Платеях на характер развития эллинской, а тем самым и всей западной культуры. Гипотеза строилась на смысловой интерпретации характерных фактов, демонстрирующих отношение древнегреческих оракулов и пророков к персам, и могла быть подтверждена лишь косвенно, примерами поведения персов в случае победы (Иерусалим, Египет, Малая Азия), что неизбежно оставляет ее во многих отношениях неподтвержденной. Здесь поневоле приходится полагаться на ее высокую рациональную очевидность. Часто при самой

⁷ См. глоссарий.

очевидной исторической интерпретации отсутствует даже такая возможность проверки, какая есть в этом случае. Тогда интерпретация навсегда остается именно гипотезой.

7. *Мотив* — это смысловая структура, которая самому действующему или наблюдателю представляется смысловой основой поведения. Последовательно развивающееся поведение будет считаться *субъективно адекватным* (или адекватным в смысловом отношении) в той степени, в какой соотношение составляющих его частей воспринимается нами (в соответствии с привычными чувствами и мыслями) как типичная (мы обычно говорим «правильная») смысловая связь. Напротив, «каузально адекватной» последовательность процессов будет считаться в той степени, в какой, согласно данным *опыта*, существует вероятность того, что она постоянно будет протекать таким же образом. (В этой терминологии *субъективно адекватным* является, например, правильное с точки зрения общепринятых норм счета и логики решение арифметического примера. *Каузально адекватной* в статистическом выражении будет введенная на основе опыта вероятность того, что решение окажется правильным или ложным также, конечно, с точки зрения общепринятых норм счета и логики. Здесь, следовательно, предполагается возможность типичных счетных или концептуальных ошибок.) Таким образом, каузальное объяснение означает констатацию того, что с *вероятностью*, которую можно как-то оценить или иногда (в редком идеальном случае) выразить количественно, за определенным наблюдаемым (внутренним или внешним) процессом следует (или выступает вместе с ним) определенный другой процесс.

Правильная каузальная интерпретация конкретного действия означает, что *правильно* познаны его внешнее течение и мотив, и в то же время оно *понято* в его смысловой взаимосвязи. Правильная каузальная интерпретация типичного действия (понятного типа действия) означает, что считающийся типичным процесс является (в какой-то степени) адекватным в смысловом отношении и в то же время (в какой-то степени) каузально адекватным. При отсутствии смысловой адекватности даже при самой большой и точно исчисленной вероятности процесса (как внешнего, так и психического) имеется лишь *недоступная пониманию* (или лишь не полностью понимаемая) статистическая вероятность. В то же время для социологии важно, что даже суждение, имеющее наиочевиднейшую смысловую адекватность, только тогда станет правильным *каузальным* суждением, когда будет продемонстрирована (все равно как) вероятность того, что действие *фактически* (с указанной частотой или в указанном приближении, в среднем, или же в чистом виде) *принимает* адекватное по смыслу направление. Только статистические регулярности, соответствующие *понимаемому* подразумеваемому смыслу социального действия, представляют собой (в принятом здесь смысле слова) понимаемые типы действия, т.е. социологические правила. Только такие рациональные конструкции осмысленно понимаемого действия суть социологические типы реальных явлений, которые можно, по крайней мере в некотором приближении, наблюдать в действительности. И дело не в том, что параллельно с достижением смысловой адекватности *всегда* растет и фактическая вероятность соответствующего ей поведения. Так ли это, в любом случае может показать лишь внешний опыт. Статистика *несмысловых* процессов (смертность, утомляемость, энергообеспеченность,

количество осадков) может существовать в том же виде, что и статистика смысловых. Но *социологическая* статистика (статистика преступности, профессий, цен, посевных площадей) относится только к последней (естественно, нередки случаи, относящиеся к обеим формам, например, статистика урожайности).

8. Процессы и регулярности, которые недоступны пониманию (в принятом здесь смысле слова) и потому не считаются социологическими фактами или правилами, не становятся из-за этого менее важными. В том числе и для социологии в развиваемом здесь смысле слова, т.е. для *понимающей* социологии (которая, конечно, никому не может и не должна быть навязана). Такие процессы и регулярности лишь занимают (что, конечно, методически совершенно неизбежно) иное место, нежели понимаемое действие, — место поводов, условий, поддержек или помех действию.

9. Действие в смысле доступной пониманию ориентации собственного поведения всегда существует для нас только как поведение одной или нескольких *индивидуальных* личностей.

Для иных познавательных целей было бы полезно или даже необходимо считать индивида, например, соединением клеток или комплексом биохимических реакций, а его психическую жизнь — складывающейся из отдельных (все равно каких) элементов. В результате, несомненно, будут получены ценные знания (каузальные правила). Мы, однако, не *понимаем* выраженное в правилах поведение этих элементов. То же касается и психических элементов, которые мы понимаем тем *менее*, чем точнее они постигнуты методами естественных наук. К толкованию, исходящему из подразумеваемого *смысла*, этот путь не ведет. Для социологии же, как мы ее видим, а также и для истории объектом постижения является именно *смысловая* связь действия. Мы можем, по крайней мере, в принципе, наблюдать поведение физиологических единиц, например, клеток или каких-то психических элементов, пытаться сделать из наблюдений выводы, получить правила («законы») наблюдаемого и каузально «объяснить» конкретные процессы, подведя их под правила. Но истолкование действия учитывает эти факты и правила лишь в том смысле и в той мере, что и любые другие (физические, астрономические, геологические, метеорологические, географические, ботанические, зоологические, физиологические, анатомические, чуждые смыслу психопатологические или естественнонаучно обусловленные технические) факты.

В то же время для иных — например, для юридических — познавательных целей или для целей практики было бы, может быть, целесообразно и даже неизбежно обращаться с социальными образованиями (государство, товарищество, акционерное общество, фонд) так же, как с отдельными индивидами (например, с носителями прав и обязанностей или с исполнителями релевантных в *правовом* отношении действий). Но для социологического понимающего истолкования действия эти образования суть только процессы и связи специфического действия *отдельных* людей, ибо только последние и являются доступными нашему пониманию носителями осмысленно ориентированного действия. Тем не менее социология именно в своих целях не вправе *игнорировать* коллективные мысленные образования, полученные при иных способах рассмотрения. Понимающая социология стоит к этим коллективным понятиям в тройном отношении. Во-первых, она сама часто вынуждена работать с очень

похожими (иногда даже так же именуемыми) коллективными понятиями, дабы обеспечить общепонятную *терминологию*. В юридическом, как и в обыденном, языке термином «государство», например, обозначается и правовое *понятие* государства, и феномен социального действия, *в отношении* которого релевантны правовые нормы, предполагаемые этим понятием. Для социологии феномен государства не состоит обязательно только или именно из *юридически* релевантных компонентов. И уж, во всяком случае, для нее не существует действующей коллективной личности. Если она говорит о государстве или о нации, об акционерном обществе, о семье, воинской части или о других подобных «структурах», то она имеет в виду *только* определенным образом организованный ход фактического или сконструированного как возможное социального действия индивидов, т.е. наделяет юридическое понятие, которое применяет ради его точности и привычности, совершенно другим смыслом.

Во-вторых, при толковании действия должен учитываться принципиально важный факт, состоящий в том, что понятия коллективных структур, являющиеся частью как повседневного, так и специализированного (например, юридического) мышления, суть *представления* в головах реальных людей (и не только судей и чиновников, но и широкой публики) об этих структурах как о чем-то реально существующем либо нормативно обязательном, на что в результате оказываются *ориентированы* их действия. Как таковые, эти представления производят огромное, часто решающее каузальное воздействие на поведение реальных лиц. Прежде всего, как представления о нормативно предписанном или, наоборот, о запрещенном. (Современное «государство» поэтому в немалой степени именно так и живет — как комплекс специфического совместного действия людей, которые ориентируют свое поведение на *представление* о том, что оно *существует* или *должно* таким образом существовать, и что, следовательно, определенные юридически ориентированные порядки *значимы*, т.е. обязательны к исполнению. Но об этом ниже.) И если в собственно социологической терминологии было бы, в принципе, возможно (каким бы крайним педантизмом и многословием это ни обернулось) совершенно элиминировать и заменить вновь созданными словами понятия, употребляемые *не только* для выражения юридического долженствования, но и при обозначении реальных процессов, то, по крайней мере, для последней важной области это совершенно исключено.

В-третьих, так называемая органическая социология, нашедшая классическое выражение в толковой работе А. Шеффле «Строение и жизнь социального тела», стремится объяснить общественное взаимодействие, отталкиваясь от целого (например, народного хозяйства), внутри которого индивид и его поведение толкуются подобно тому, как, например, физиология рассматривает роль телесного органа в «хозяйстве» организма (т.е. с точки зрения выживания последнего). (Ср. знаменитый пассаж из лекции одного физиолога: «§ X. Селезенка. О селезенке, господа, мы ничего не знаем. И это все о селезенке!» В действительности он, конечно, знал о селезенке довольно много — положение, величину, форму и т.д., не мог только назвать ее функцию, что и считал неизвестием.) В какой мере в других науках это *функциональное* рассмотрение *части* в отношении *целого* должно (поневоле) быть определяющим, мы здесь не судим, хотя известно, что биохимическое и биометрическое исследования этим,

в принципе, не удовлетворились бы. Применительно к истолковывающей социологии такой способ выражения 1) может служить целям практической наглядности и временной ориентации (и быть в этой функции весьма полезным и необходимым, но при переоценке его познавательной ценности и ложном понятийном реализме — крайне вредным), и 2) только он при определенных обстоятельствах может помочь обнаружить то социальное действие, истолковывающее понимание которого *важно* для объяснения какой-то связи. Но только здесь и *начинается* работа социологии (в принятом нами смысле слова). Ведь имея дело с социальными образованиями (в противоположность организациям), мы можем пойти *далее* простого установления функциональных связей и правил («законов») и прийти к тому, что, в принципе, невозможно во всех естественных науках, создающих каузальные правила процессов и явлений и на этой основе объясняющих отдельные события, а именно достичь понимания поведения участвующих *индивидов*, тогда как поведение, например, клеток мы не можем понять, а можем лишь функционально зафиксировать и затем констатировать как соответствующее правилам его протекания. Этот большой потенциал истолковывающего объяснения по сравнению с наблюдающим обретается, правда, за счет более гипотетического и фрагментарного характера результатов, получаемых при истолковании. И тем не менее именно *в нем* и заключается специфика социологического познания.

Мы здесь совершенно не затрагиваем вопрос о том, насколько люди могут «понимать» поведение животных, и наоборот (причем содержание и объем того и другого «понимания» совершенно не ясны), и, следовательно, может ли существовать социология отношений человека с домашними и хищными животными (многие животные «понимают» приказ, гнев, любовь, угрозу и реагируют на них явно не только механически-инстинктивно, но и в какой-то степени осознанно, осмысленно, ориентируясь на опыт). Собственно, и наша способность вжиться в поведение «естественного человека» ненамного больше. У нас совсем нет или почти нет *надежных* средств установления субъективных фактов жизни животных; как известно, проблемы психологии животных настолько же интересны, насколько и трудны. У животных существуют, как мы знаем, самые разные сообщества — моногамные и полигамные «семьи», стада, стаи, даже «государства» с разделением функций. (Степень функциональной дифференциации этих сообществ вовсе не параллельна степени органической либо морфологической дифференциации соответствующего вида. Так, функциональная дифференциация у термитов, а поэтому и многообразие их артефактов гораздо выше, чем у муравьев и пчел.) На сегодня, разумеется, важнее всего чисто функциональное наблюдение, т.е. выявление главных функций (обеспечение пищей, защита, размножение, образование новых сообществ) разных типов особей («царей», «цариц», «рабочих», «солдат», «трутней», «производителей», «запасных цариц» и т.д.) в соответствующем животном сообществе, чем и приходится удовлетвориться исследователю. Все выходящее за эти пределы долго оставалось лишь спекуляцией или выяснением того, в какой мере в развитии этих «социальных» задатков участвуют, с одной стороны, наследственность, а с другой — среда (что было предметом столкновений между А. Вейсманом, труд которого «Всесилие естественного отбора» опирается в значительной мере на совер-

шенно неэмпирические дедукции, и А. фон Гётте⁸). Но серьезные исследователи, конечно, едины в том, что *удовольствование* функциональным познанием — это вынужденное и, как можно надеяться, временное обстоятельство (см., например, работу К. Эшериха 1909 г. о положении в изучении термитов). Хотелось бы не только иметь представление о довольно легко определяемой важности функций отдельных дифференцированных типов «с точки зрения выживания» и о том, как (с допущением наследования приобретенных признаков или без него, а если с допущением, то с каким его истолкованием) объяснить эту дифференциацию, но и знать также, что 1) *определяет* начало дифференциации еще недифференцированной, нейтральной исходной особи и 2) *заставляет* дифференцированную особь вести себя (в среднем) так, чтобы это действительно служило интересам сохранения дифференцированной группы. Все продвижения здесь сводятся к экспериментальному доказательству (или к предположению) существования химических раздражителей или физиологических фактов (особенности питания, паразитарная кастрация и т.д.) применительно к *отдельным* особям. Есть ли и насколько проблематична надежда экспериментально показать вероятность существования психологической и смысловой ориентации, сегодня не скажет даже специалист. Создание контролируемой картины психики социальных животных на основе понимания смысла даже как идеальная цель представимо лишь в очень узких границах. Во всяком случае, не следует с этой стороны ждать лучшего понимания человеческого социального действия; как раз наоборот: именно там приходится и нужно работать с человеческими аналогиями. Но можно надеяться, что эти аналогии когда-нибудь пригодятся для постановки вопроса о том, какова была на ранних стадиях социальной дифференциации человеческого общества роль чисто *механическо-инстинктивной* дифференциации в ее отношении к индивидуально и осмысленно понимаемым и далее *к сознательно* рационально организуемым процессам. Понимающая социология, конечно, должна отдавать себе отчет в том, что на ранней стадии человеческой истории первый из названных компонентов имеет главенствующее значение, а на следующих стадиях постоянно присутствует (причем как решающе важный фактор). Любое традиционное действие (см. далее, § 2 данной главы) и широкие аспекты харизмы (см. далее, гл. 3) как ядра психического заражения и, значит, носителя социологических «возбудителей» развития очень близки к этим только лишь биологически схватываемым процессам, не поддающимся (или лишь частично поддающимся) интерпретационным и мотивационным подходам, с неуловимыми переходами между ними. Это, однако, не освобождает понимающую социологию от задачи, осознавая тесные границы, в которых она оказалась, делать то, что *может* только она.

В работах Отмара Шпанна, часто богатых интересными идеями, несмотря на встречающиеся недоразумения и прежде всего аргументацию на основе не-

⁸ В строгом смысле дискуссия, развернувшаяся в 1880-е годы, касалась смерти и бессмертия применительно к простейшим и к многоклеточным и роли репродуктивных и соматических клеток. «Реплики» в дискуссии: *Weismann A. Ueber die Dauer des Lebens: ein Vortrag.* Jena: Fischer, 1882; *Weismann A. Ueber Leben und Tod.* Jena: Fischer, 1882; *Goette A. Ueber den Ursprung des Todes.* Leipzig: Voss, 1883.

доступных эмпирической проверке чисто ценностных суждений, несомненно, справедливо подчеркивается никем всерьез не оспариваемое значение *предварительной* функциональной постановки вопроса для любой социологии. Он называет это «универалистский метод». Конечно, чтобы иметь возможность ставить вопросы о том, как возникает действие и какие мотивы его определяют, мы должны сначала знать, какое действие функционально важно, т.е. важно с точки зрения выживания (а также — и прежде всего — культурного своеобразия!), а кроме того, и определенного направления развития типа социального действия. Сначала надо знать, какие функции исполняют «король», «чиновник», «предприниматель», «сутенер», «маг» и, следовательно, какое типичное действие (которое только и позволяет причислить того или иного индивида к одной из этих категорий) *важно* и подлежит рассмотрению, прежде чем приступить к самому анализу. (Это и есть «отнесение к ценностям» в духе Г. Риккерта.) Но лишь сам этот анализ в состоянии достичь понимания действия типично дифференцированных человеческих (и *только* человеческих) индивидов, в чем и состоит задача социологии. Нужно только исключить чудовищное недоразумение, согласно которому индивидуалистический *метод* требует индивидуалистической (в каком угодно возможном смысле) системы ценностей, как и мнение, что неизбежно (относительно) рационалистический характер формирования *понятий* означает веру в преобладание рациональных мотивов или даже положительную оценку рационализма. Социалистическое хозяйство тоже ведь с социологической точки зрения должно пониматься индивидуалистически, т.е. путем истолковывающего *понимания действия индивидов* (типов имеющихся в нем функционеров) на основе — точно так же, как и в случае рынка — учения о предельной полезности (или другого, еще не найденного лучшего, но в *этом* пункте сходного с ним метода). Ибо здесь, как и повсюду, главная работа эмпирической социологии начинается с постановки вопроса о том, какие мотивы побуждали и побуждают единичных функционеров и членов этой общности действовать так, будто она *возникла и продолжает существовать*. Создание функциональных (ориентированных на «целое») понятий — это лишь подготовительная работа, польза и необходимость которой, если она проведена правильно, конечно же несомненны.

10. *Законы*, как обычно называют некоторые положения понимающей социологии (например, закон Грешема), представляют собой подтвержденные наблюдениями типичные *вероятности* определенного хода социального действия, ожидаемого при наличии тех или иных фактов и понимаемого на основе типичных мотивов и типичного смысла, из которого исходят действующие. Эти законы в высшей степени понятны и однозначны, если в основе типичного наблюдаемого поведения (или методически сконструированного типа такого поведения) лежат чисто целерациональные мотивы и имеется согласно опыту однозначное соотношение между средствами и целью (при «неизбежном» характере средств). Тогда можно сказать, что, *если* действовать строго целерационально, нужно поступать *только так, и никак иначе*, ибо участники действия, служа определенной однозначно формулируемой цели, по «техническим» причинам располагают только этими средствами, и никакими иными. Именно этот случай показывает, кстати, сколь ошибочно считать основой понимающей социологии какую бы то ни было психологию. Сегодня под пси-

хологией каждый понимает свое. Вполне определенные методические цели оправдывают характерное для естественнонаучного изучения некоторых процессов разделение физического и психического, которое в *этом* смысле чуждо дисциплинам, изучающим действие. Результаты психологии, которая изучает психическое *только* средствами естественной науки и по естественнонаучной методике и *не* интерпретирует человеческое поведение с точки зрения его предполагаемого смысла (что представляет собой, в сущности, иной подход), как и результаты любой другой науки независимо от ее методической основы, могут в отдельных случаях иметь и часто имеют важное значение для социологической постановки вопросов. Но каких-то в целом более близких отношений с психологией, чем с другими дисциплинами, у социологии *нет*. Ошибка заключается в понимании психического: якобы то, что не физическое, — психическое. Но ведь смысл, подразумеваемый кем-то при употреблении примера из таблицы умножения, — это не психическое. Рациональное рассуждение о том, способствует ли какое-то действие с его ожидаемыми последствиями удовлетворению каких-то интересов или не способствует, и решение, принятое по его результатам, не станет ни на йоту понятнее при его «психологическом» рассмотрении. Но именно на таких рациональных предпосылках социология (включая и национальную экономию) строит большинство своих законов. Напротив, в социологическом объяснении *иррациональностей* действия *понимающая* психология может сыграть очевидно решающую роль. Но в принципиальном методологическом отношении это ничего не меняет.

11. Социология, как это уже ясно, образует *типовые* понятия и ищет *общие* правила явлений. В этом ее противоположность истории, которая стремится к каузальному анализу и объяснению *индивидуальных, культурно значимых* действий, структур, личностей. Социологическое образование понятий черпает свой парадигмальный материал в очень значительной степени, хотя и не исключительно, из реальностей действия, релевантных также и для истории. Социология формирует свои понятия и ищет правила, руководствуясь также тем, сможет ли она послужить историческому каузальному объяснению явлений, важных с точки зрения культуры. Как и в каждой генерализирующей науке, особенность ее абстракций приводит к тому, что социологические понятия оказываются относительно *бессодержательными* по сравнению с конкретной реальностью исторического. Взамен социология предлагает возросшую *однозначность* понятий. Возрастание однозначности обеспечивается за счет характерного для социологических понятий стремления к оптимуму *смысловой* адекватности. Последний, как уже неоднократно подчеркивалось, полнее всего достигается при использовании *рациональных* (ценностно- или целерациональных) понятий и правил. Но социология пытается схватить в теоретических, причем адекватных *по смыслу*, понятиях также иррациональные (мистические, пророческие, пневматические, аффективные) явления. Во *всех* случаях, как в рациональных, так и в иррациональных, она *отдаляется* от действительности и одновременно служит ее познанию в том смысле, что благодаря указанию степени *близости* исторического явления к одному или нескольким из этих понятий это явление может быть определенным образом классифицировано. Одно и то же историческое явление может, например, в одном из своих аспектов быть феодальным, в другом — патримониальным, в третьем — бюрократи-

ческим, а еще в каком-то — харизматическим. Чтобы все эти характеристики понимались однозначно, социолог должен создавать чистые (*идеальные*) типы соответствующих образований, каждый из которых должен обладать логической цельностью при максимальной *смысловой* адекватности. В реальности такой идеальный *чистый* тип настолько же маловероятен, как и физическая реакция, рассчитанная при условии абсолютно пустого пространства. Социологическая казуистика возможна только на основе чистого (идеального) типа. Само собой разумеется, что кроме того социология применяет по возможности и *усредненный* тип эмпирико-статистического характера, не нуждающийся в особом методологическом обосновании. Но, говоря о *типических* случаях, она, без сомнения, всегда имеет в виду *идеальный* тип, который, в свою очередь, *может* быть рациональным или иррациональным, большей же частью (а в национал-экономической теории — всегда) является рациональным и всегда конструируется как адекватный *по смыслу*.

Следует отдавать себе отчет, что в социологии, как и везде, «среднее» (а следовательно, и «средние типы») в подлинном смысле может формироваться только, если речь идет о различиях в *степени* качественно *однородного* осмысленно определенного поведения. Такое встречается, но в большинстве случаев исторически либо социологически релевантное действие испытывает влияние качественно *гетерогенных* мотивов, из которых невозможно вывести «среднее» в собственном смысле слова. Поэтому любая идеально-типическая конструкция социального действия, например в экономической теории, чужда действительности, поскольку отвечает на вопрос о том, как действовать рационально и ориентируясь исключительно на хозяйственные цели, тогда как реальное действие испытывает тормозящее влияние традиций, вмешательство аффектов, заблуждений, воздействие неэкономических целей и обстоятельств. Но именно такая конструкция позволяет 1) понять действие *в той мере*, в какой оно наряду с прочими его характеристиками является (если речь идет о конкретном случае) или бывает (если речь идет об усредняющем наблюдении) экономически целерациональным, но также и 2) именно по причине *различия* между реальным действием и его идеальным типом прийти к познанию его *действительного* мотива. Соответственно должна была бы строиться идеально-типическая конструкция последовательного мистически обусловленного акосмического отношения к жизни (например, к политике и экономике). Чем резче и однозначнее сконструированы идеальные типы, т.е. чем более они в этом смысле *чужды* миру, тем лучше они выполняют свои задачи — как терминологические и классификационные, так и эвристические. В работе историка казуальное объяснение событий происходит по сути так же, когда историк, чтобы объяснить, например, ход кампании 1866 г.⁹, сначала (мысленно) рассчитывает за Мольтке и Бенедека, как им следовало бы действовать в случае идеальной целерациональности, т.е. будучи полностью в курсе своего положения и положения противника, затем сравнивает эти рассчитанные действия с реальными, чтобы причинно *объяснить* найденные различия (чем бы они ни были вызваны — плохой информацией, ошибкой наблюдения, ложным заклю-

⁹ Австро-прусская война 1866 г.

чением, личным темпераментом или, вообще, невоенными соображениями). Здесь также (латентно) применяется идеально-типическая целерациональная конструкция.

Конструктивные понятия социологии являются идеально-типическими не только внешне, но и внутренне. *Реальное* действие протекает часто в состоянии притупленного полуосознания или, вообще, неосознанности его субъективного смысла. Действующий, скорее, неопределенно его чувствует, чем знает или «ясно представляет», и строит свои поступки чаще всего инстинктивно или в силу привычки. Субъективный смысл (будь он рациональным или иррациональным) наличествует в сознании только время от времени, а при массовом однородном действии — только у отдельных индивидов. Подлинно эффективное, т.е. целиком осознанное и ясное осмысленное действие — это на самом деле лишь предельный случай. Это всегда нужно иметь в виду при любом анализе *реальности* в исторической и социологической работе. Но это не мешает социологии строить свои *понятия* путем классификации возможного подразумеваемого смысла, т.е. так, будто действие и вправду протекает при наличии сознательной смысловой ориентации. Социология всегда должна осознавать свое отклонение от реальности, когда речь идет о наблюдении последней в ее конкретности, и констатировать меру и характер этого отклонения.

Часто методически приходится выбирать между неясными или ясными, но при этом ирреальными идеально-типическими терминами. В этом случае с научной точки зрения следует предпочесть последние. (Об этом см.: Archiv für Sozialwiss. XIX. S. 64 ff¹⁰ и выше, п. 6 в настоящем параграфе.)

II. Понятие социального действия

1. Социальное действие (включая отказ от действия или претерпевание) может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других людей (месть за прежние нападения, отражение нынешних нападений, оборонительные меры против будущих нападений). «Другими» могут быть отдельные и знакомые люди или неопределенно многие и совершенно незнакомые (например, деньги представляют собой меновой товар, который действующий принимает при обмене, поскольку ориентирован на ожидание того, что многие, но неизвестные и неопределенные лица, со своей стороны, проявят в будущем готовность принять их в обмен).

2. Не каждый вид действия, в том числе и внешнего, является социальным действием в соответствии с установленным здесь смыслом слова. Внешнее действие не таково, если оно ориентируется только на ожидаемое поведение вещных объектов. Внутреннее поведение представляет собой социальное действие, лишь если оно ориентируется на поведение других людей. Таковым не является, например, религиозное поведение в том случае, если оно остается созерцанием, одинокой молитвой и т.д. Хозяйствование (отдельного индивида) будет социальным действием только в том случае и лишь постольку, поскольку оно принимает в расчет поведение третьих лиц. В самом общем и формальном

¹⁰ Weber Max. Die "Objektivität" sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. XIX. Bd. Heft 1. 1904. S. 22–87; рус. пер.: МВИП. С. 345–415.

виде — следовательно, если данный индивид рассчитывает на уважение собственной распорядительной власти над экономическими благами со стороны третьих лиц. В материальном смысле — если, например, при потреблении он принимает в расчет будущие желания третьих лиц и начинает «экономить». Или в том случае, если хозяйствование, например, в процессе производства ориентируется на будущие желания третьих лиц, и т.д.

3. Не каждое из человеческих соприкосновений имеет социальный характер, но только собственное поведение, осмысленно ориентированное на поведение других. Например, столкновение двух велосипедистов — это просто событие, подобное явлению природы. Но если они попытаются избежать столкновения, то эта попытка и следующие за ней ссора, драка или мирное обсуждение были бы социальным действием.

4. Социальное действие не тождественно ни *единообразному* действию нескольких лиц, ни действию *под влиянием* поведения других. Когда начинается дождь и все раскрывают зонты, действие каждого ориентировано не на действие других, а на *одинаковую* у всех потребность защиты от дождя. Известно также, что действие отдельного человека может определяться просто фактом принадлежности к сконцентрированной людской массе; это *массово* обусловленное действие — предмет исследований «психологии масс» в духе, например, Г. Лебона. Даже рассеянная масса может в результате одновременно или последовательно влияющего на индивида и воспринимаемого как таковое поведения многих (например, через прессу) превратить индивидуальное действие в массово обусловленное. Некоторые способы реагирования только и становятся возможными, а другие, наоборот, затрудняются в результате того, что индивид чувствует себя частью массы. Поэтому некое событие может вызвать достаточно сильные эмоции (веселье, ярость, воодушевление, отчаяние или страсть), которые — будь человек наедине с собой — не возникли бы (или не возникли бы столь легко), при том, что *смыслового* отношения между поведением индивида и фактом его принадлежности к массе (по крайней мере, во многих случаях) не возникает. Такое действие, реактивно порожденное влиянием массы как таковой, но не *соотнесенное* с ним по смыслу, не подходит под понятие «социальное действие», как оно здесь установлено. Вместе с тем различие, конечно, крайне неясное. Ведь не только, например, у демагогов, но часто и у обычной публики может существовать разное и по-разному толкуемое смысловое отношение к массе.

Кроме того, простое подражание чужому действию (чему справедливо придает важное значение Г. Тард) не было бы в понятийном отношении *особым видом* социального действия, если бы происходило только реактивно, без осмысленной ориентации собственного действия на чужое. Граница здесь столь подвижна, что различие часто едва ли возможно. Скажем, простой факт, состоящий в том, что кто-то, познакомившись у других с поведением, которое показалось ему целесообразным, начинает практиковать его у себя, не является в нашем смысле социальным действием. Здесь не действие ориентируется на поведение другого, а действующий, наблюдая за этим поведением, уяснил его объективные возможности, *на которые* и ориентируется. Это *каузально* обусловленное действие, а не смысловое, ориентирующееся на действия других. Если, напротив, чужому поведению подражают потому, что это модно,

или следуя сословной традиции, образцу, норме, или по какой-то другой причине, то налицо смысловая ориентация на объект подражания или на действия других либо на то и иное вместе. Естественно, между этими позициями есть переходы. Оба случая (массовая обусловленность и подражание) разделяются условно и представляют собой пограничные случаи социального действия, встречающиеся еще достаточно часто, например, в традиционном действии (см. ниже, § 2 данной главы). Причина здесь и в других случаях заключается в том, что ориентация на чужое поведение и смысл собственного действия вовсе не всегда поддаются однозначной констатации и *осознанию*, а еще реже — полностью осознанию. Поэтому простое «влияние» и осмысленную ориентацию далеко не всегда можно уверенно разграничить. Но понятийно они разделяются, хотя, разумеется, само по себе реактивное подражание имеет, *по меньшей мере*, ту же социологическую *значимость*, что и социальное действие в собственном смысле. Социология занимается отнюдь не *только* социальным действием, хотя оно является для того рода социологии, который мы здесь развиваем, центральным фактом, так сказать, *конститутивным* для нее как науки. Хотя из этого вовсе не следует вывод о большей *важности* этого факта по сравнению с другими.

§ 2. Основания ориентации социального действия

Как и любое действие, социальное действие может быть ориентировано: 1) *целерационально*, т.е. посредством расчета на определенное поведение предметов внешнего мира и других людей, которые тем самым используются действующим индивидом в качестве «условий» или «средств» реализации собственных рационально поставленных и взвешенных *целей*; 2) *ценностно-рационально* благодаря сознательной вере в безусловную этическую, эстетическую, религиозную или как угодно еще толкуемую *самоценность* определенного поведения чисто как такового независимо от его результата; 3) *аффективно*, в частности эмоционально, т.е. воздействием непосредственных аффектов и эмоциональных состояний; 4) *традиционно*, т.е. силой укоренившейся привычки.

1. Строго традиционное поведение, как и чисто реактивное подражание (см. выше, § 1), целиком и полностью находится на границе, а часто за границей того, что вообще можно назвать ориентированным по смыслу действием. Ибо часто речь идет только о бессознательном реагировании на привычные раздражители согласно когда-то усвоенной установке. Огромная масса привычных повседневных действий приближается к этому типу, поэтому он включен в систематику как предельный случай. Но еще и потому, что ориентация на привычное может в разной степени и в разном смысле поддерживаться сознательно, и тогда этот тип приближается к типу ценностно-рационального действия (тип 2).

2. Строго аффективное поведение также лежит на границе, а часто и по ту сторону сознательно ориентированного по смыслу действия; оно может быть прямой реакцией на достаточно необычный раздражитель. Можно говорить о

Научное издание

Макс Вебер

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО
Очерки понимающей социологии

В четырех томах

Том I
СОЦИОЛОГИЯ

Перевод с немецкого под общей редакцией Л.Г. Ионина

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редакторы *Т.В. Соколова, Н.В. Андрианова*

Художник *В.П. Коршунов*

Компьютерная верстка: *О.А. Быстрова*

Корректор *Н.В. Андрианова*

Подписано в печать 29.08.2016. Формат 70×100¹/₁₆
Печать офсетная. Гарнитура Newton
Усл. печ. л. 36,4. Уч.-изд. л. 30,1. Тираж 2000 экз. Изд. № 2057

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru
Тел.: 8 (495) 988-63-76, тел./факс: 8 (496) 726-54-10